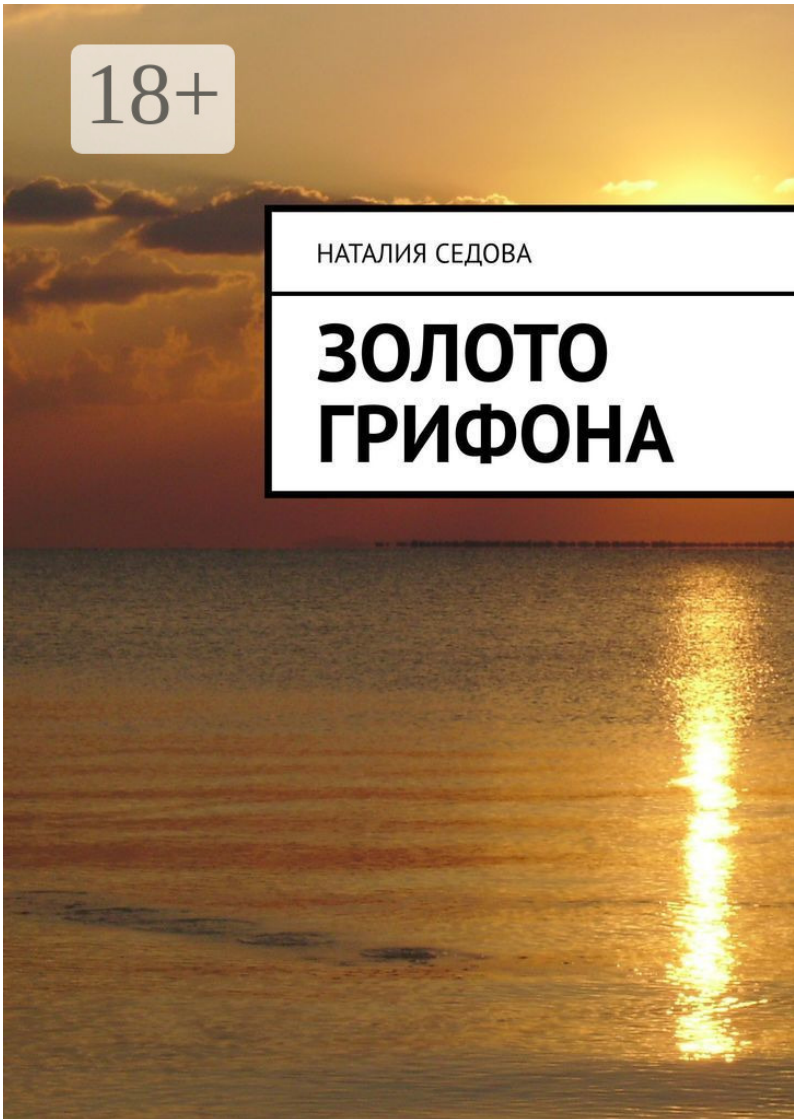

18+

НАТАЛИЯ СЕДОВА

ЗОЛОТО ГРИФОНА

Наталия Седова

Золото грифона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65317777

ISBN 9785005364562

Аннотация

Если вы любите тайны и приключения – эта книга именно для вас! Действие происходит в конце 90-х. Столичный бизнесмен Вадим решил отыскать пропавшую золотую казну армии барона Врангеля и золото скифов, которое исчезло во время отступления белой армии из города. В ходе поисков было обнаружено немало находок. Искатели золота попадают в поле зрения местного криминала. События разворачиваются стремительно.

Золото грифона

Наталия Седова

© Наталия Седова, 2021

ISBN 978-5-0053-6456-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор заранее предупреждает о том, что все действующие лица и сюжет книги вымышлены и не являются реальными. Однако не исключает и того, что случайные совпадения возможны. Жизнь, сами знаете, вещь непредсказуемая.

Дорога плавно спускалась с горки, делая небольшой поворот.

Я отчётливо поняла, что уже не справляюсь с ускорением. Ролики на ногах перестали мне подчиняться и стремительно несли моё тело по узкому тротуару вниз. За поворотом внезапно я увидела у края мостовой, в тени деревьев, огромную чёрную машину.

От страха и беспомощности как-то по-детски зажмурила глаза.

В голове пронеслось: «Всё, Дуся, это твой катафалк».

И в то же мгновение я почувствовала удар, сделала немис-

лимый кувырок в воздухе и тут же врезалась головой в лобовое стекло. Раздался неприятный скрежет по железу и звон разбитого стекла.

– Всё. Влипла, – прошептала я и замерла, раскинувшись на капоте «моего катафалка», не открывая глаз. Со стороны всё выглядело так, как будто я пытаюсь вскарабкаться на эту громадину.

– Твою мыть! – донеслось откуда-то сбоку.

Я почему-то отметила про себя, что именно – «мыть». Услышав этот выдох, произнесённый с таким отчаянием, открыла глаза и сквозь целое (!) лобовое стекло крутой иномарки увидела, как на меня тарашится какой-то лысый мужик.

В голове выстроилась логическая цепочка: «Если на нём ещё и малиновый пиджак, а на пальцах золотые гайки, то точно – хана мне. По гроб жизни не расплачусь».

Но глаза у дядьки были совсем не злые, а почему-то удивлённые. Пиджака тоже не было. Только пёстрая рубашка, небрежно застёгнутая на пару пуговиц в области пупка, плотно сидела на его загорелом торсе. Что касается золотых цепей на шее и перстней на пальцах – они тоже отсутствовали.

Он как-то боком выпал из необъятного салона иномарки, подскочил ко мне и начал стаскивать с капота:

– Что ты делаешь?!

– Это что вы себе позволяете? – Попыталась я отмахнуть-

ся и чуть не угодила мужику в голый череп гантелью. И только сейчас вспомнила, что мои руки сжимают две килограммовые гантели мёртвой хваткой.

Мужик от моего натиска даже опешил:

– Это кто себе что позволяет? Врезался в мою машину! Размахивает гирями! – Он отскочил от меня и почему-то угрозил пальцем.

– Отпустите меня! Справлюсь сама! – Дёрнулась я и съехала с капота, как с горки. Но подняться на ноги почему-то не смогла, а так и осталась сидеть на земле у машины.

– Что-то мне не того...

Мужик глянул на меня и изменился в лице. Похоже, перепугался.

– Послушай, у тебя кровь. На лице... У вас...

Но в этот момент я как-то мягко и безвольно проваливалась в какую-то тёмную и глухую яму. Его голос стал звучать всё глуше, как бы отдаляясь. Однако спустя мгновение я очнулась.

Хозяин машины, склонившись, энергично обмахивал меня газетой. Рядом валялись две разбитые пивные бутылки. Пиво разлилось по мостовой. Небольшая лужица весело сверкала на солнце и под его палящими лучами начала исчезать на горячих камнях, распространяя вокруг очень вкусный и сильный запах хмеля.

Оказывается, разбилось не лобовое стекло, а эти бутылки. Они были выставлены на бумажную салфетку, разложен-

ную на капоте. От столкновения со мною бутылки грохнулись на мостовую и, конечно же, разбились.

Я же своими роликами только немного поцарапала бампер. А гантели, которые судорожно сжимали мои руки, сделали на сияющей поверхности капота иномарки две неглубокие симметричные вмятины.

Первое, что после «мыти» спросил хозяин машины, с интересом разглядывая меня:

– Пацан, а гантели-то зачем?

С перепугу осипшим голосом я ответила, глядя на него исподлобья:

– Для ускорения.

«Теперь эти железки помогут мне идти на дно, повиснув на ногах или моей худой и тонкой шее. Вот влипла с этой тачкой. Раскрутит, как пить дать, на пару тонн зелени. А может, и побольше...» – Как-то лениво плавали эти невесёлые мысли в моей гудящей голове.

– Я не понял...

«Начинается», – уныло пронеслось в мозгу, и я другим, более мелодичным голосом спросила:

– Чего не понял?

– Так ты не пацан? Ты баба? Оба-на!

– Уже бабушка. Правда, молодая, – поспешно добавила, но слово не воробей. Поздно. Глаза у мужика стали совсем круглыми.

Привычным движением я сняла кепку, надетую козырь-

ком назад, и непослушные рыжие волосы рассыпались по плечам. Боком поднялась с земли, глядя на него снизу вверх. Моя голова едва доставала до его груди. А что вы хотите – полтора метра с кепкой, да и то в прыжке – вот и весь мой рост. А вес, как у козы, до сорока пяти килограммов.

– Твою мыть! – Он сделал шаг назад, рассматривая меня по-новому и, похоже, уже не как пострадавший, а как нормальный мужик, который откровенно пялится на интересную незнакомую женщину.

«Да, интеллектом он, похоже, точно не блещет», – грустно подумалось мне.

Внезапно в моих глазах зажглись весёлые ярко-зелёные звёздочки, уши заложило, как будто их заткнули ватой, ноги стали холодными и тоже ватными, колени сами собой начали подкашиваться. Краски и звуки потускнели и почти померкли.

– Что с вами? Только не это! Твою...

Больше я ничего не услышала и провалилась в какую-то вязкую тишину.

Очнулась от пощёчины и резкого запаха аммиака вперемешку с пивом.

– А в морду за что?

– Слава богу, очнулась. Ну, вы, милая, напугали меня.

Я полулежала на заднем сиденье машины. Лицо мокрое, и вообще я вся была чем-то облита. Намокшая рубаха прилипла к телу и почему-то расстёгнута до пупа. А ведь под

ней, как всегда, ничего не было – я так часто хожу летом, когда очень жарко.

– Что?! Что это?

Я приподнялась на локтях и, недовольно морщась, попыталась разглядеть себя.

– Пиво. Холодное. Из холодильника. И нашатырь. Он и привёл тебя в чувство, – поспешно доложил хозяин машины. – Чтобы очнулась. Я испугался. У тебя... У вас был обморок.

Я вновь откинулась на мягкое кожаное сиденье, которое под моими движениями так приятно и упруго всколыхнулось.

– Не мудрено: так шарахнуть об эту долбаную тачку.

– Вы не волнуйтесь, я всё возьму. Все расходы по вашему лечению, – залепетал лысый. – Страховка есть?

– Нет, – обрадовалась я неожиданной смене акцентов инцидента.

«Так что, не пригодятся гантели на шее?» – весело подумалось. И тогда я позволила себе слегка улыбнуться.

– И за машину вы не волнуйтесь, – добавил он и почему-то приложил обе руки к своей голой груди. Наверное, чтобы было более достоверно.

– Хорошо, – я с готовностью согласилась. И тоже для пущей достоверности энергично кивнула головой. Тут же в ней что-то загудело, а у виска ниточкой задёргалась ноющая боль. Я почувствовала сильное головокружение, к горлу

подступила тошнота.

Между тем мужик продолжил:

– Вы только подскажите мне ближайшую автомастерскую.

Там всё сделают.

– А кто будет платить?

– Я же сказал – не волнуйтесь. Я же от всего сердца! – И он опять прихлопнул себя ладонями по пузу, наверное, думая, что там и находится его сердце.

– Хорошо. Не буду. А что я тогда должна сделать, чтобы исчерпать инцидент? – И вдруг я увидела себя как бы со стороны – мокрая полуголая баба лежит на заднем сиденье дорогой иномарки. Тут же спохватилась и стала застёгивать рубашку, одновременно отползая в угол сиденья.

– Что вы! Как вы могли подумать такое? – Он даже замахал в мою сторону руками, как будто отгонял муху или комара от носа.

Мне стало неловко. Мужик это понял и пришёл на выручку:

– Знаете, я в этом городе впервые. Только приехал. При тормозил перекусить.

– С пивом?

– Оно безалкогольное. Так вот. Я очень попрошу вас стать моим проводником, то есть помощницей, гидом. Улиц в этом городе я не знаю. Вы мне подскажите, как сориентироваться. Договорились? – На меня глядели такие доверчивые и такие милые глаза – сущий ангел.

– И всё? – Не поверила я в чистоту его намерений.

– И всё, – подтвердил он, всё так же глядя на меня.

Но в этот раз ещё пронизательнее – чистый херувим.

Наступила пауза. Думаю, мы одновременно подумали одно и то же: «Мент родился», но я спросила первое, что мне пришло в голову:

– А вы откуда?

– Я нездешний. Совсем нездешний. – И, помолчав секунды две, добавил: – Из столицы.

– И за каким хреном занесло в нашу дыру?

Он пожал плечами, отвёл глаза в сторону, улыбка сползла с его лица. Вообще этот мужик иногда вёл себя как-то странно, немного подозрительно и по-детски. Вот это меня и настораживало.

Между тем он продолжил тихим, похоже, извиняющимся голосом, глядя мимо меня:

– Вы, конечно, можете не соглашаться...

Я поняла, что он намекает на мою занятость, поэтому поспешно согласилась:

– Я в отпуске. Свободна до вторника.

Он облегчённо вздохнул, тут же повесил дежурную улыбку обратно на лицо:

– Ну что ж, я рад, что вы согласны. В таком случае у меня, точнее, у нас есть пять дней. Поехали?

– ?

Чтобы не произносить ничего голосом и лишний раз

не двигать головой (меня опять начинало мутить), я вопро- сительно уставилась на него с таким выражением лица, буд- то съела лимон целиком. Но он почему-то не обратил на моё состояние никакого внимания и деловито добавил:

– Как куда? В автосервис.

Между тем меня слегка попустило, и я смогла более-ме- нее связно сказать:

– Так это за углом... У Ян Семёныча... Для нас – Яныч. По виду – настоящий янычар. Увидите – поймёте.

Лысый включил зажигание и, полуобернувшись, одарил меня ещё одной, теперь уже сияющей улыбкой. Благодаря ей я прекрасно увидела, что вся его превосходная челюсть выполнена у отличного дантиста и, по всей видимости, стоит не одну тысячу зелёных.

«А этот крендель не так прост, как прикидывается. Всё- таки, Дуся, ты влипла. По самые не могу...»

Пока мы медленно спускались до ближайшего поворота, я, практически выйдя из полуобморочного состояния и для того, чтобы хоть как-то занять время, спросила хозяина ма- шины:

– Вы так странно ругаетесь? Почему?

– Твою мыть? А что тут странного? Вот вы скажите мне: почему на каждом шагу все говорят «блин»? – Помолчав, до- бавил: – Не могу, когда мать так... используют. Сами знаете, бывает, что без мата не выходит разговор. Особенно, когда эмоции прут. Согласны?

Я осторожно кивнула головой, а про себя отметила, что меня уже не так тошнит. А мужик между тем продолжал, не замечая того, что со мною не всё ладно.

– Я просто заменил одно слово на другое. Похоже, но не совсем то. А в нити разговора это мало кто замечает.

– Я заметила.

– Так же и мой брат ругается. Это я его научил ещё в детстве.

– Выходит, это ваше, семейное?

– Будем считать, что так.

Я закрыла глаза и затихла на заднем сиденье, крепко прижав руки к мокрой груди.

Когда немного помятый внедорожник бесшумно вкатился в распахнутые ворота автомастерской, Яныч, отвернувшись, что-то кричал вглубь огромного гаража, вытирая руки грязной тряпкой.

Не услышав шороха гравия под колёсами машины, не подозревая о нашем присутствии, стоя спиной к главному входу, он лениво почесал за ухом и смачно выругался в адрес неведомого нам Цики.

Из гаража вышел парень. Я его узнала – Колька, сын Яныча. При взгляде на машину лицо его приняло идиотское выражение. Он как-то боком осел на землю, тыча грязным пальцем в нашу сторону.

Яныч, обернувшись, тоже изменился в лице. Побледнел

и сел неуклюже на корточки рядом, вытирая лоб грязной тряпкой, которая оставляла на лице серые масляные полосы и разводы. От этого он сразу стал похож на Рембо.

– Что это с ними? Неужели придётся двигать в другой сервис? – Наблюдал за происходящим лысый.

Дальше – больше.

Когда я вышла из машины, Коля весь как-то передёрнулся и неожиданно начал икать. Он смотрел на меня такими глазами, как будто увидел привидение.

– Колька, что с тобой? Это я, Даша! – И неожиданно для себя добавила: – Соседка ваша.

Во дворе повисло тягостное молчание. Было слышно, как капает вода из колонки. Где-то в центре города на мэрии отбило двенадцать пополудни, и грянул гимн города в записи. Традиция такая.

Пауза затянулась.

Из машины вышел мужик, с которым я так и не успела познакомиться. Глянув на него, теперь уже Яныч как-то дёрнулся и тихо зарычал. Он под нос произносил что-то нечленораздельное. И вдруг начал старательно крестить свой живот.

– Да что здесь происходит? Кто объяснит? – Не выдержала я и топнула ногой. В моей голове мозги слегка колыхнулись.

Между тем Коля тупо произносил уже знакомые слова, подряд, без перерыва:

– Твоюмать, твоюмать, твоюмать, твоюмать...

Во двор выглянула толстая жена Яныча. Увидев меня, почему-то удивилась и брякнула:

– Дуся! Вот это новость! А мы вчера пили за упокой твоей души. А ты, оказывается, живая. Значит, теперь долго будешь мир коптить. Ну, и слава богу. Цыпа, цыпа, цыпа... – Это уже к рябой курице, перепутавшей хозяйский двор с курятником.

– Ах, вот в чём дело? То-то я вижу: вы уставились на меня, как на утопленницу.

– Вот и я о том же. Вчера выловили одну, рыжую, твоей комплекции. Правда, волос у ней на голове поменьше было. Лицо сильно разбито, да и в морской воде, говорят, долго была. Не узнать уже. Вот и подумали на тебя. А ты где была? Тебя вчерась искали, даже к нам приходили.

Проходя мимо, Люська повнимательнее присмотрелась ко мне, щурия подслеповатые глаза:

– А чтой-то у тебя с лицом? Никак кровь? Опять куда упала? – Обходя боком внедорожник, она, разглядывая вмятины на его капоте, как бы между делом добавила:

– И про машину каку-то тоже спрашивали. То ли инфунита, то ли инфанта кака-та. Не поняла. Это больше по ихней части. – Кивнула Люсьен на икавшего сына и мужа, сидевшего под солнцем с грязной физиономией, и величественно пошла дальше, за гараж, в огороды.

Теперь крайняя степень удивления отразилась на лице моего нового знакомого. В сторону необъятной спины Люськи

он крикнул:

– Вы, наверное, имеете в виду машину марки «Инфинити», номер 7077?

Все дружно глянули на номер машины, стоявшей во дворе. Номер был похож, но другой – 7707.

– Я ищу эту машину.

Она, наверное, ничего уже не услышала, увлѣкшись погоней за рябой курицей. Во дворе опять стало тихо.

Пауза явно затягивалась. Поняв это и глядя на хозяина машины, Яныч, по всей видимости, начал соображать, что необходимо что-то делать и срочно спасти положение. Уж больно подозрительно и странно выглядела их реакция на наше появление. Он тихо прошепел одними губами:

– Мы не в курсах...

– И вчерась так сказали, – добавила его необъятная супруга, появившись из-за гаража на этот раз с ведром в руках.

Яныч, услышав родной голос жены, очнулся и пришѐл в себя. Видно было, что он сделал над собою огромное усилие, собрался и попытался говорить спокойно, правда, при этом голос его был слегка осипшим, а интонация уж больно заискивающей.

– Что за проблемы? Ремонт, рихтовка? Вижу: бампер и капот. Сделаем. Сей секунд!

Видно было, что он уже вошѐл в нормальное состояние, что-то прикинул и просчитал у себя в голове, и более-менее успокоился.

– Как долго? – Хозяин машины глянул на часы.

– Вы не спрашиваете сколько.

– Я знаю, сколько может стоять такая работа. У меня сеть автомастерских.

– Коллега, значит? Кункурент? Ну, так почему бы не сделать машину в своих мастерских? Ведь цены, сами знаете, нынче кусаются.

Что-то Яныч оборзел. Что это с ним? Никак клиентом пренебрегает? Я смотрела на него во все глаза и не узнавала своего соседа.

Мужик даже не обратил внимания на эту реплику, видимо, просто проигнорировал. Глядя мимо Яныча, отчётливо произнёс:

– Я владелец. Это не значит, что умелец.

И металлическим голосом спросил:

– Сколько?

Тот засуетился, понял, что такой клиент торговаться не станет.

– Надо ещё раз посмотреть.

Клиент, казалось, не только не замечал, но, видимо, не считал нужным слушать Яныча, произнося в пространство тихим голосом:

– Сделать сейчас. При мне. Сколько?

– Пять сотен, – подумав секунду, Янычар добавил, уточняя:

– Не рублей.

– Приступай. – Хозяин машины, не меняя выражения лица, отвернулся, по-прежнему разговаривая с пустотой. – А пока подскажи нам, любезный, где здесь можно спокойно посидеть и отдохнуть. Но чтобы чисто, прохладно и без мух.

– Ай, дорогой! – залезил Янычар, тут же приклеив на свою физиономию сладчайшую улыбку.

– Не надо никуда ходить. Оставайтесь у меня. Вот духан, вот шашлык-башлык, вот вино, кофе, чай. Вот чебуреки и шаурма. Всё, что душе твоей угодно. – Он зыркнул в мою сторону: – И твоей милой спутнице.

Вот этого как раз и не надо было. Знаю я, какие порядки у него в духане.

– Вот что, Яныч, мы, пожалуй, лучше в машине посидим. Там точно не будет мух, и я наверняка буду знать, что именно пью и чьё мясо в чебуреках. А то что-то в последнее время стала я замечать – в нашем районе все собаки перевелись. Твоя работа?

– Обижаешь, красавица! – Он всем видом своим показывал, что не знаком со мною и как это я смею сомневаться в качестве его кухни, вонь от которой нередко доносилась даже до моего двора, расположенного намного выше по улице.

– Мы остаёмся в машине. Так надёжнее. – Остановила я попытку возразить со стороны хозяина машины. – Поверьте мне. Как автослесарь, он мастер высшего пилотажа – смастырит машину из хлама и продаст как новую. И она будет

бегать. Некоторое время. А вот что касается кухни – здесь командует Люська. Вы только что её видели. Руки она моет через раз, в кухню лучше не заходить и не видеть, как там всё запущено. Водка палёная, левая. Даже для своих. Короче, остаёмся в машине.

Мы сидели в просторном салоне. Он за рулём, а я по-прежнему на уже знакомом заднем сиденье. Чтобы не мешали шум и пыль, закрыли затемнённые окна, оставив небольшую щель.

В салоне было просторно, немного темно и гораздо прохладнее, чем на улице. Хозяин машины развернулся в мою сторону:

– Мы с вами не познакомились. Вадим. Вадим Свиридович.

Я так и не поняла, что это было – отчество или фамилия. То ли Свиридович, то ли Свиридович?

– Даша, Дария Сергевна. Для своих – Дуся. Или Дульси-нея, – почему-то добавила я.

– Какое интересное имя!

– Ага! Главное, редкое.

Он широко улыбнулся.

– Дуся, простите, Дарья Сергеевна, так вы будете моим гидом?

– Дария, – поправила я.

– Ох, простите великодушно! А что, есть разница?

Я с превосходством глянула на него и ухмыльнулась:

– Конечно! Это совсем разные имена. А что касается проводника – постараюсь, но не очень уверена, что смогу чем-то помочь. Давайте я лучше познакомлю вас с приятельницей, она профессиональный экскурсовод, работает в музее. Хотя сейчас, в разгар сезона, у неё нет ни минуты свободной. Уж кто-кто, а она знает все наши уголки и закоулки.

– Вы меня с нею познакомите. Обязательно. Это хорошая мысль. Я люблю ходить по музеям. Но сегодня я успел познакомиться с вами, Дария.

Он так и сказал: *Дария*. Мне было приятно.

– И я очень рад этому. Очень рад. Поверьте.

Мы замолчали. Я уставилась в окно.

«Чего я здесь сижу? Мне надо бы домой, да и есть уже охота. Оставлю ему телефон и пойду», – думала я, рассеянно разглядывая затейливую решётку на окне дома напротив. Тут до меня донеслись его слова:

– Расскажите мне немного о себе.

– Что? Не поняла...

«Интересный ход, – подумала я отчего-то с неприязнью. – Знакомы всего ничего и сразу – расскажите о себе. Странно».

– И что же вы хотите услышать? О чём?

– Мне неловко спрашивать, сколько вам лет. Судя по тому, как вы носитесь на роликах, в душе ещё совсем девчонка. Да и внешне тоже ещё... Но я услышал что-то про бабушку.

И тут же спохватился:

– Простите, если...

Непроизвольно у меня из груди вырвался то ли вздох, то ли всхлип:

– Вовсе нет. Мне ничуть не обидно. Скрывать здесь тоже нечего. Я горжусь, что у меня внучка. Из-за неё готова была даже службу оставить, когда дитёнка не брали в садик. Надо было или няню срочно искать, или бросать работу. Потом ситуацию разрулили, всё было нормально.

– Где вы работаете, если не секрет?

– В мэрии.

Он даже откинулся назад, глаза выразили приятное удивление:

– Вас мне сам Бог послал. Дело в том, что я хочу найти в вашем городе одно место, одного человека и один дом. Согласитесь, мне самому оперативно сделать это будет довольно сложно.

«Слово-то какое – „оперативно“! Как на фронте, честное слово», – машинально отметила я про себя.

– А что будем искать? Где эта улица, где этот долг? Разборки какие-то?.. Межрегиональные?

– Вы не совсем правильно меня поняли.

Он как-то смутился, видимо, прикидывая про себя, о чём можно мне говорить, а что и приберечь. На всякий случай.

– Здесь больше истории и никакого криминала. Даю слово.

Для убедительности он приложил свои волосатые руки к области сердца.

Я скорчила кривую улыбку и, глянув в затемнённое окно, бросила:

– Возьмите его обратно, ваше слово. Я мужикам давно перестала верить. Пять раз верила. Сколько можно?

– Но я же не предлагаю вам... – Он запнулся, подыскивая подходящее слово. – Не предлагаю что-то неприличное.

Помолчав некоторое время, я, по-прежнему глядя в окно, как бы про себя и для себя самой, произнесла:

– Вы думаете, что замужество – это уже неприлично?

«Понеслась, родная...» – мысленно одёрнула я себя, но было уже поздно.

– А вы что, пять раз были замужем?

– Официально – да. Может, и гордиться нечем. Осознаю. Но не жалею ни о чём.

Глаза Свиридовича округлились, и он растерянно спросил:

– Но почему? Так часто? Вернее – так много?

– Во-первых, потому, что дура. А во-вторых, потому, что врать не умею, поэтому дура вдвойне. Судите сами. Даже сейчас – я вижу вас в первый раз, и то не могу соврать. Может, поэтому вижу в последний раз. Поболтаем и разбежимся.

– Но почему в последний? Неужели вам со мною неинтересно? Мне, например, очень. Вы интересная женщина.

Он так широко и искренне улыбнулся, что я на самом деле поверила, что ему со мною интересно. Дура.

– Почему неинтересно? Нормально. Во всяком случае, как сказала бы внучка, – прикольно.

В этот момент в затемнённое окно осторожно постучали. Стекло немного приспустилось, и Вадим немного другим тоном бросил, полуобернувшись:

– В чём дело?

Уловив интонацию хозяина жизни, Янычар подобострастно, так, как это умеют делать только восточные люди, спросил:

– Не желаете взглянуть?

– Всё? Так быстро?

– Надо посмотреть. Вам. Лично.

– Работа закончена или нет? Я не спешу. Сделай как следует – не обижу.

Окно бесшумно закрылось. Палящий зной исчез за тонированным стеклом. На лице моего нового знакомого заиграла прежняя, располагающая к себе улыбка:

– Кофейку?

– Не помешает.

Откуда-то сбоку он вынул небольшую кофемолку, из золотистого пакетика всыпал туда горсть зёрен и начал не торопясь вращать её ручку. По салону поплыл аромат молотого кофе. Достал термос, чашки.

Откинувшись на мягкую спинку сиденья, я прикрыла гла-

за. Через несколько минут передо мною на крохотном откидном столике стояла чашка с кофе. Я благодарно взглянула на Свиридовича. И вдруг в моём животе предательски заурчало.

Мне почему-то стало так неловко! Но Вадим меня опередил:

– Простите. Я совсем не подумал. Вы голодны. Какой я идиот! – Он так смешно хлопнул себя по лысине, что я невольно рассмеялась.

– Не буду врать, я действительно хочу есть. Когда волнуюсь, мне всегда надо что-то пожевать. Сегодня это случилось уже несколько раз. Короче, доставайте, что там у вас в заготовке. Вы же в пути, значит, и заготовки есть.

– Да. Есть кое-какие недоедки.

– Вы хотите сказать – объедки?

– Что вы!

– А! Всё равно, доставайте!

– Позвольте. Я вас побеспокою. Вон там, слева – дорожный холодильник. Давайте его сюда. Впрочем, не надо. Я сам к вам переберусь.

Он откинул сиденье и, несмотря на возраст и весьма солидную комплекцию, хорошо отработанным движением легко перелез, вернее, перепрыгнул на заднее сиденье. Похоже, это было для него в некотором смысле привычным ритуалом.

Интересно, как часто он прыгал туда-сюда по салону. И зачем? Хотя и так понятно, зачем. Вон какие удобные и пружинистые сиденья.

жинящие сиденья.

Эта мысль мне почему-то не понравилась.

Вообще на первый взгляд он производил впечатление крутого и весьма ушлого мужика. Одна тачка чего стоит. Всё расспрашивает, присматривается, а сам о себе что-то не очень распространяется. Сильный, ловкий, в хорошей физической форме, несмотря на годы. Похоже, ему далеко за сорок пять лет.

В принципе, большая часть жизни прожита. И судя по тому, как он упакован, прожита не без пользы для его кошелька.

Очень ухоженная модная щетина, придающая мужественности его немного округлому лицу. Глаза спрятаны за стёклами слегка затемнённых очков. Усы – краса и гордость мужчин, коротко пострижены волосок к волоску. Видно, что он любит ухаживать за собою. Всё при нем, всё в наличии. Упакован, что называется, по первому разряду. Интересный экземпляр...

Не замечая, что я исподтишка внимательно его разглядываю, Свиридович деловито разложил на сиденье салфетки, тарелочки и достал из небольшого холодильничка пакеты – ветчина, сыр, зелень.

– Ну, что? За знакомство! – И он плеснул мне в кофе немного коньяку.

Сам пить не стал, объясняя, что за рулём.

Кофе, коньяк и три куска ветчины, положенные на три

куска сыра, как на хлеб, сделали своё дело. Мне стало сытно, уютно и хорошо.

Само собой возникло ощущение, что я знаю этого человека давно, тыщу лет. А между тем он по-прежнему ничего о себе не рассказывал. Только то, что из столицы и зовут его Вадим Свиридович. Или Свиридович? Куда тут ставить ударение? А может, он Сильвестр, как Сталлоне. А может, это его родственник? Нет, он вроде бы говорил, что его родственники отсюда, из этих краёв. Хотя у Сталлоне тоже вроде бабка из-под Одессы. Это недалеко. Он здесь что-то ищет. Или кого-то... Не помню...

От выпитого кофе с коньяком я постепенно проваливалась куда-то в тёплую и уютную дрёму. Хорошо... Никуда не надо спешить. Сквозь затемнённые окна не видно – день на улице или вечер. Главное, не жарко. А я так устала, мне так хочется отдохнуть... Но это – чужая машина... Неудобно... А! Не всё ли равно...

Я свернулась калачиком и закрыла глаза. Мне приснился сон, будто я лечу верхом на крылатом грифоне. А глаза у него были почему-то красные, как рубины. Он взлетел так высоко, что я увидела весь город, а потом и весь Крым, как будто из космоса. Но мне не было страшно, ведь грифон – испокон веков хранитель нашего города. А я здесь живу. Я знала – он меня не обидит... Не обидит, если у него ничего не отнимать. Он же хранитель...

Проснулась от того, что мне стало холодно. В салоне во-

всю шарашил кондиционер. Когда открыла глаза, не сразу поняла, где нахожусь. Лежать было немного тесно. Одна нога затекла, рука занемела и не слушалась.

Я огляделась и сразу всё вспомнила. Удар, обморок, ремонт и перекус с новым знакомым. Да, ещё было кофе с коньяком.

В салоне машины было тихо. Судя по всему, я была одна. Неожиданно водительская дверца открылась. Солнечный свет хлынул мне прямо в лицо.

– Проснулась? Отдохнула? Вот и замечательно! Всё готово. Я рассчитался. Поехали.

– Я долго спала?

– Не очень. Это коньяк. После такого удара головой тебе нельзя было пить.

– Нет. Это кофе. Хороший кофе на меня часто так действует, и я засыпаю. Хотя ты прав. С моей головой явно не всё в порядке. Немного болит и кружится. Так куда едем?

– В гостиницу. Мне же надо где-то остановиться, поставить машину.

– Но мне надо домой.

Он согласно кивнул головой, включая зажигание.

– Надо – значит, надо. Поехали. Показывай.

– Что тут ехать. Чуть выше по улице, за углом.

– Отлично! Командуй.

Вадим так интересно разговаривал. Очень короткими фразами, как приказами. Общаюсь с ним, я невольно пере-

няла эту манеру говорить. Кстати, так и не заметила, как мы перешли на «ты».

Вот что значит немного поспать в машине чужого мужика – проснулась, и сразу на «ты».

Сверкающая громадина внедорожника, как ни странно, легко уместилась в нашем небольшом дворе, увитом со всех сторон виноградом. Здесь даже в летний зной никогда не было жарко, так плотно оплела лоза прутья старого навеса.

С одной стороны двора стоял дом. С другой, метров на пятнадцать, возвышалась массивная, выложенная из огромных каменных блоков подпорная стена, в которую упиралась Гора. Один из контрфорсов этой массивной стены перегораживал двор на две неравные части. В толще стены, как раз посреди двора, были довольно высокие ворота не то гаража, не то бункера. Он уходил вглубь Горы – на какое расстояние, никто точно и не знал.

В своё время мой прапрадед поставил на скорую руку стенку из ракушки на расстоянии двух десятков метров от начала бункера. С тех пор она так и стоит, уже почти сто лет. Моя родня знала, что дальше вглубь Горы, причём неясно, на какое расстояние, уходят проходы и ходы. Но никто так и не брался пройти по ним. Что там за стенкой, пока никто всерьёз не интересовался – то революции и репрессии, то войны и перестройки. Не до этого всё было. Да и зачем?

Наш дом, точнее крохотный домик на две комнатки, был

построен тоже больше ста лет назад, в начале прошлого века. Сколько себя помню, столько помню и этот домик, пусть маленький, но тёплый и крепкий. И хотя мои родители лет сорок назад получили «хрущёвку» со всеми удобствами, я почти всё своё детство прожила здесь, с бабушкой.

Кривые улочки, мощённые булыжником и старыми каменными плитами, тесно оплели склон Горы, которая возвышалась над городом. Тесные и узкие дворы, где каждый клочок земли распределён или под крохотный огородик, или под цветник. И везде – деревья. Часто очень старые с толстыми и кривыми стволами, которые иногда растут прямо посреди дворов, образуя над ними естественный шатёр. Если кто из новых владельцев рискнёт спилить его, – всё, летом будет во дворе изнывать от невыносимой жары. Проверено.

Если глянуть на этот кусок города сверху, то всё здесь утопает в зелени. Где дороги, где дворы или дома – непонятно.

Я очень люблю это место и всегда горжусь, что живу здесь, в самом сердце города, а не в безликих многоэтажках, натканых по его неуютным окраинам.

Что касается удобств, то выгребная яма нашего санузла (дворового туалета), спрятанного за контрфорсом, никогда не портила атмосферы, так как никогда не заполнялась. Вернее сказать, всё, что выливалось, выбрасывалось или высыпалось в его дыру, исчезало навсегда в бездонных недрах Горы. Куда-то туда, по-моему, к самому центру земли, в преисподнюю, уходила и вся вода из дворового душа, а вместе

с нею и потоки дождя или вода от растаявшего снега. Благодаря этому мощённый старыми камнями двор всегда, в любое время года был чист.

Наш домик вначале был одноэтажным.

Один из моих мужей, тот, у которого руки росли откуда следует, в то непродолжительное время, когда он прекратил злоупотреблять, успел достроить и второй этаж.

Хотя это сказано громко. Правильнее сказать, вместо разобранного чердака мы с ним достроили и подняли стены дома, а затем на них уложили новую кровлю. Получилось подобие мансарды – маленькая комнатка и просторная веранда с видом на море. Вход в комнатку оборудовали через веранду по крутой, я бы сказала, опасной для жизни лестнице.

Собственно, наш разрыв с этим из моих мужей и произошёл из-за этой самой лестницы. Как-то раз он довольно сильно принял на грудь, другими словами – напился в стельку. Причём без меня, вернее, не известив меня о том, что будет что-то там отмечать на работе или ещё где-то.

Скажу откровенно: если бы он сказал по-человечески, мол, так и так, вынужден буду задержаться и нажраться, я бы пропустила это мимо. Но он явился за полночь, весь расхристанный, в песке и почему-то без трусов. От него воняло гнилыми водорослями, самогоном и дешёвыми духами.

Я рассердилась, что со мною случается довольно редко, и, высказав всё, что я думаю об этом, ушла наверх. Супруг мой, не рассчитав сил, попытался подняться вслед за мной

по лестнице и доказать, что я не права, но так и не осилил её. Как верно говорит мой старинный друг, спортивный обозреватель Виталик Мухин: «Для пьяного и лестница в доме – Монблан». Это был как раз тот случай.

Свалился мой благоверный во дворе, у подножия лестницы Монблановой, да так и проспал до утра. Несколько раз, глянув сверху на эту бесформенную тушу, на его слюнявое и сопливое лицо, я внутренне передёрнулась, представив, как этот кривой рот полезет ко мне с поцелуями.

Всё. Точка. За одну ночь я его разлюбила.

А спать с нелюбимым не могу. И не буду. Зачем себя насиловать? Я что, извращенка какая?

Расставание было решительным и недолгим.

За его судьбу я ничуть не переживала. Здоровый, в меру симпатичный, знаток и большой любитель покушать. Через пару недель он обосновался у какой-то приезжей вдовушки, которая купила дом на соседней улице. Для неё он объединил в себе три ипостаси – охранник домовладения (больше спал, чем охранял), неплохой любовник (это он умеет) и разнорабочий (так себе, если трезв).

Об этом мне незамедлительно доложила та самая Люська (жена Яныча), которая не поленилась подняться ко мне на Гору, якобы за солью и попить чайку.

Их союз был тоже недолгим. Но это уже другая история. Где он сейчас, да и вообще, где и с кем сейчас все мои бывшие мужья, не знаю и знать не хочу.

С тех пор живу сама.

Мой новый знакомый стоял у открытой двери в дом и что-то энергично говорил по мобильнику. Тон его разговора был вначале властным, потом гневным, потом просящим и, наконец, стал просто до неприличия заискивающим. Судя по интонации и отрывочным фразам, я поняла, что его намерению поселиться в гостинице в ближайшие дни не суждено сбыться.

Окончив разговор, он с досадой захлопнул свой телефон и уставился на меня.

Собственно, этого и следовало ожидать. В самый разгар курортного сезона, когда заранее разбираются все номера в гостинице (а в городе она одна) и бронируются даже скамейки в городском саду, вот так явиться и запросто поселиться в гостинице сможет разве что король Брунея. Да и то при условии, что он купит весь город с потрохами.

Я сразу поняла, о чём сейчас пойдёт речь, и прикинула, сколько надо будет запросить, чтобы не продешевить, но и не перепугать непомерной ценой неожиданного постояльца.

Дело в том, что многие в нашем городе летом живут за счёт вот таких сезонных постояльцев – отдыхающих. А куда деваться? И нам, малоимущим, подмога, и им, приезжим, неплохо.

Безусловно, в самом выгодном положении оказываются

те, кто имеет дома поближе к морю. Я живу почти на самой Горе. Море – вот оно, всё лежит перед тобой. Но, чтобы добраться до пляжа, приходится идти минут двадцать. Это вниз, ну а подниматься – подольше. Оно и понятно.

Итак, чтобы мой новый знакомый не свалил к соседке на постой, я решила не слишком загибать цену. Тем более что она – солидный конкурент.

На её воротах огромными буквами круглый год намалёвано: «Сдаются отдельные апартаменты с гаражом и сауной».

Поясняю. Апартаменты – это небольшая временка. Что правда, то правда: вход в эти, с позволения сказать, апартаменты отдельный. Но проход к отдельному входу – только мимо недремлющего ока хозяйки дома, нестареющей Анны Иоанны, женщины необъятных размеров, обладательницы потрясающего бюста и невероятно рельефных форм.

Гараж тоже имелся. Он представлял собою хлипкий навес под шиферной крышей, занавешенный со всех сторон спиланными с военных складов парашютами. Это вместо стен.

Дело в том, что её покойный муж долгое время работал начальником ДОСААФ – была такая организация ещё при коммунистах. Многие постояльцы поначалу принимали эти парашюты за бюстгальтеры хозяйки дома.

Что касается сауны, то действительно она имелась. И на самом деле очень удобная, построенная по всем правилам. Так что это – чистая правда. Её возвёл и оборудовал по-

стоянный клиент Анны Иоанны. И, как я понимаю, он делал это, прежде всего, для себя.

Теперь каждую пятницу сразу после работы он приезжает к ней попариться и вообще порадоваться жизни. И каждый раз этот наверняка семейный гражданин старается особо не светиться.

Но я живу напротив, поэтому видела несколько раз, как они сидели во дворе под огромным деревом и пили наливочку. И сколько радости светилось на лице этого маленького и щуплого мужчинки, которого сразу и не заметишь рядом с такой грозной на вид, но, судя по всему, такой беззащитной в глубине души хозяйкой дома.

Кто кого утешал в горячих недрах парилки – неизвестно, да и неважно. Главное, что им было хорошо вдвоём. Как говорится, и душой, и телом. Этим светились их лица.

Так вот, знакомство с удобствами, которые она предлагала потенциальным постояльцам, неизменно начиналось именно с сауны. Увидев достоинства и преимущества настоящей парилки, у всех без исключения мужчин взгляд плавно перемещался в область бюста её хозяйки и почти все сразу и безоговорочно соглашались, не торгуясь, платить за убогую временку, как за люкс с кондиционером.

Итак, я уже поняла, о чём у нас с Вадимом Свиридовичем (так фамилия или отчество?) пойдёт сейчас речь, и поэтому отвернулась, чтобы скрыть ехидную улыбочку, кото-

рая невольно заиграла на моём лице. Справившись с собою, сделала постную физиономию и начала деловито вытирать несуществующую пыль со скамейки, стоящей во дворе.

Он начал первым, шагнув мне навстречу:

– Собственно, вот что хочу тебе сказать.

– Слушаю. – Я по-прежнему не смотрела в его сторону.

– Знаю, что отнимаю твоё время. Время – деньги, поэтому заплачу. Во-первых, за твою работу.

Я вопросительно глянула на него.

– За то, что поможешь и станешь мне гидом.

Кивок головой, и тут же – ноющая боль в моём виске.

– Плюс заплачу за то, что машина будет стоять в этом дворе.

Для вида немного подумав, вытирая руки о свою рубашку, посмотрела на веранду:

– Ну, что ж. Деловое предложение. А где ты собрался жить?

– Здесь. Там. – Он указал на второй этаж. И неожиданно добавил:

– Если позволишь.

– Если заплатишь.

– Какой разговор?!

– Годится! Тогда пошли, я покажу, где что находится.

Я сразу почувствовала себя хозяйкой ситуации. Тряпку отбросила в сторону и, широко улыбаясь, начала знакомить его с местными достопримечательностями:

– Проходи. Коммунальные удобства во дворе. Привыкай.

Это тебе не столица.

– Я уже вижу.

– Вот душ, это кран. Там, в углу, – гальюн, в смысле – туалет. Всё рядом, во дворе. Как говорится, под рукой и под жоп... Пардон.

Но Вадим, отойдя в сторону, похоже, не услышал моего внезапного и несколько пошлого каламбура.

– А это что? – Он указал на ворота гаража.

– Это бункер.

– Гараж?

– Не совсем. Сколько здесь живу, сама так и не поняла, что это на самом деле. Когда у отца была машина – там был гараж. Сейчас машины нет, поэтому пока склад старого хлама. Что было в этой каменной норе до революции или ещё раньше, понятия не имею. Я не заглядывала сюда уже несколько месяцев. Надо бы провести там уборку и выбросить всю рухлядь. Только куда? Да и некогда.

Проходя мимо бункера, я почувствовала неприятный запах.

– Что так воняет? Не пойму. У соседей опять кролики сдохли, что ли? Надо разобраться. Вечно сбрасывают под стенку всякую дрянь, заразы.

Я похлопала по обшарпанному железу гаражных ворот:

– Мы зовём его бункер. Не знаю, какого он точно размера. Давно, лет сто назад, кажется, ещё мой прадед, когда строил

этот дом, поставил в бункере стенку. Когда по ней стучишь, слышно, что дальше – пустота, ничего нет. А что там – кто знает?

Неожиданно ворота скрипнули и начали сами собой раскрываться. На меня пахнул тошнотворный запах дохлятины. В открывшуюся щель высунулась противная морда жирной и наглой крысы. Чёрные бусины её глаз зыркнули в мою сторону. Мне почему-то померещилось, что у неё три головы.

Мне стало плохо, и я мягко осела в сильные руки Вадима. Всё. Ничего не помню.

– Какая ты чувствительная, право слово! Нельзя же так, Дуся! – Знакомый запах нашатыря и ставший традиционным мордобой, вернее энергичные пощёчины вернули меня к действительности.

Я сидела на деревянном ящике, прислонившись к тёплой каменной стене. Ворота бункера были распахнуты настежь, а у входа валялась дохлая собака.

Честно признаюсь, что в собачьих породах не сильна, но то, что это не дворняга и не сторожевая, – определила сразу. Таких не держат в конуре на цепи, а воспитывают на коврах и подушках в качестве домашней игрушки. Собачка была маленькая, ухоженная и лохматая. Увидев её, мой новый квартирант растерялся. Затем присел, осторожно дотронулся до медальона, который болтался на кожаном ошейнике собаки.

Я протянула руку:

– Дай посмотрю.

На медальоне были видны буквы в виде затейливого вензеля «С.С.».

– Интересное дело. Меня не было в доме три дня, а в это время какая-то сволочь подбрасывает в мой бункер дохлую собаку.

– Я знаю кто.

– Откуда? Ты же только приехал! А она здесь, похоже, сутки валяется.

– Я знаю, кто её хозяин. И это хорошо. Если есть собака, значит, здесь и хозяин.

Вадим почесал кончик носа. Я дёрнулась было с вопросом, но он меня опередил:

– Дарья, только ничего не спрашивай. Я тебе всё объясню. Потом. Сначала приму душ, переоденусь, и мы спокойно поговорим. Хорошо?

Я молча кивнула головой. В виске тут же слегка кольнуло.

Хреново. С моей головой, похоже, не всё в порядке. Болит как-то странно, отдельными участками.

– Пошли, я покажу тебе твою комнату наверху. А что с собакой делать?

– Закопай. Тольконими медальон. Он золотой.

– !!!

– Потом. Всё потом.

Комната Вадиму понравилась. Хотя и маленькая, но довольно удобная. Нет ничего лишнего, всё под рукой. Однако больше всего его сразил вид из окна веранды – весь город как на ладони.

Бросив свою дорожную сумку на кровать, он быстро спустился вниз, вынул из машины огромный бинокль. Легко перепрыгивая через ступеньки, взлетел наверх, удобно уселся в старое кресло, монументально стоящее у перил веранды, и припал к биноклю, изучая окрестности.

Я не стала мешать. Положила на низкую кровать постельное бельё, полотенца и спустилась вниз приготовить душ.

Он находился тут же во дворе, но был умело спрятан за тем самым контрфорсом подпорной стены. Подходя к душе, вспомнила, что не захватила с собой мыло и шампунь.

Наверняка у Вадима имеются свои, но, раз человек снял жильё, положено предложить. Не спеша вернулась в дом. Потом вспомнила про дохлую собаку. Взяла пакет, лопатку, несколько старых газет и направилась к бункеру.

Неожиданно раздался громкий стук в ворота и крик:

– Дарья Сергеевна! Дашка! Открой! Я должен тебе кое-что сказать! – на всю улицу орал мой старинный друг и сосед Сеня. Он же Семён Павлович, он же Сима, он же Фима, он же Самуил. Кстати, это его настоящее имя, которое Сене почему-то не нравится. Вероятно, потому, что очень напоминает всем о его исторической родине, куда он пока не собирается отправляться.

Тем временем Сеня не стал ждать приглашения и боком ввалился во двор.

Он всегда был большим и толстым. Каждый год неизменно набирал вес и сейчас, приближаясь к сороковнику, достиг поистине огромных размеров и непомерного веса.

Сеня не привык к препятствиям на своём пути. По-видимому, оттого что просто не замечал их, когда шёл напролом. Вместе с ним я выглядела, наверное, как огурец рядом с арбузом. Или как абрикоска с дыней. Оба золотисто-рыжие, но очень разные. Вот и мы такие же.

Сколько живу на свете, столько знаю Сеню. Наверное, с тех пор, как вообще начала что-то помнить. Мы вместе росли, играли, дрались.

Нередко в детстве спали в одной кровати. Сначала рядом, лет до пяти, потом валетом, до восьми, а потом на соседних кроватях, но в одной комнате. Многие принимали нас за брата и сестру, несмотря на то что внешне мы были очень разными.

Я всегда была маленькой, худенькой, но очень задиристой, вечно что-то придумывала, куда-то лезла или с кем-то дралась. Вероятно, эта моя отчаянная смелость и происходила оттого, чтобы я не чувствовала себя самой слабой, а, значит, и самой ущемлённой.

А ещё я точно знаю, что частенько лезла на рожон, потому что всегда рядом со мною был мой Сеня – большой,

сильный, неторопливый и неразговорчивый. Но если врежет кому – мало не покажется. В душе, да и в целом по жизни я воспринимала его как старшего брата, хотя мы были с ним ровесниками.

Всё было хорошо. Пока однажды, когда нам было лет по двенадцать, Сенькина бабушка не застучала нас за изучением техники поцелуев. После этого, безусловно, нас одних уже старались на ночь не оставлять.

Старушка подумала бог знает что.

Но посудите сами: кого мне надо было использовать в качестве тренажёра, как не самого близкого друга? Почти брата.

Вот и я о том же.

Судьба распорядилась таким образом, что уже гораздо позже постулаты Камасутры мы изучали отдельно, каждый со своим партнёром. Но на всю свою жизнь мы с Сеней так и остались самыми верными друзьями, почти как брат и сестра. Но не более того.

Во всяком случае, таково было моё отношение к Сене. Что касается его, то тайники своей души он мне так ни разу и не открыл до конца. Хотя обо всех его увлечениях и тётках я узнавала первой от него же.

Сеня любил приходить ко мне, поговорить «за жизнь». И если мне позволяло время и не надо было никуда убегать, я выслушивала его монологи, помогала укрываться летом в бункере или в беседке, а зимой – в тесной кухне или на ве-

ранде от гнева и упрёков его очередной подруги жизни.

Мы росли и воспитывались не родителями, а своими бабушками, которые тоже всю жизнь были лучшими подругами. Обе остались после войны без мужиков, обе подняли сначала своих детей, а потом – внуков.

В отличие от меня Сенька ни разу не женился, хотя женщины его любили, а некоторые даже рожали ему детей. Он просто жил с ними, нередко позволяя себе многое, что, в общем-то, непозволительно семейным мужикам. Жил вроде рядом с женщиной, в одном доме, но в то же время отдельно от неё. Сам по себе.

Короче говоря, продолжал вести себя так, как будто всегда был один. Своим поведением ясно показывая спутнице: хочешь – живи со мною, не нравится – не держу. Но другим не стану, не надейся!

Вроде посмотришь на него – золото, а не мужик! Редкий умница, добряк, балагур, прочитавший уйму книг, он дожил до седых волос, да так и не построил дом, не посадил дерево, зато наплодил уйму ребятишек.

На укоры его покойной бабушки Полины и её призывы остепениться Сеня неизменно отвечал: «Моя – за углом. Ещё не вечер».

Но время шло, а он так и продолжал жить для себя, любимого, приговаривая, расставаясь, трудно сказать, с которой по счёту спутницей жизни: «Все бабы дуры и сволочи. И я дурень, что верю им».

Но бабы на него почему-то не обижались и продолжали ублажать его, толстого и щедрого и на деньги, и на любовь. Ко всем.

Ни одна из них так и не смогла приручить Сеню. Несмотря на свои гигантские габариты, он представлял собою воплощение всех мыслимых мужских достоинств и всех недостатков одновременно. На этот коктейль, как на мёд, постоянно летели всё новые жертвы, а он не сопротивлялся, позволяя очередной подружке жизни ухаживать за собой.

Чаще всего Сеня находился в состоянии поиска выпивки или похмелья, если, конечно, не был занят какой-нибудь очередной шабашкой или не отправлялся на браконьерский промысел рыбы на своём катере. Нередко он зависал с друзьями в своём лодочном гараже на берегу моря.

В этот раз Сенька был трезв. Почти трезв. Что меня несколько удивило. Мне отчего-то стало тревожно на душе.

– Дульсинея! Где ты лазила эти дни! – пыхтел он, пятясь спиной ко мне и закрывая калитку. Ввалившись полностью в пространство двора, необъятный Семён повернулся и тут увидел внедорожник. Крайняя степень изумления тут же вылилась у него в виде непроизвольной икоты.

– Ни хрена себе! Пардон! Когда ты успела его пригнать?

– Это не мой.

– Ясно, не твой. Хозяин тачки где?

– То есть?

– Его вчера волокли в дупель пьяного по улице.

– То есть???

– Янычар с сыном. Я видел. Эта машина стояла у них во дворе. Наверно, что-то там мастырили ему. Ну и отметили, как водится. Тут же, у него в чайхане. Ну и напоили. Яныч, сама знаешь, на говне экономит.

Сеня осторожно, чтобы не задеть машину своим необъятным брюхом, обходил её боком, продолжая свои рассуждения:

– Как пить дать, палёной водкой мужика напоил. Вот тот с непривычки и вырубился. Похоже, иностранец какой-то. Бормотал не по-нашему. То ли по-арабски, то ли по-французски. Так и не понял. Матерился, правда, по-нашему, почти без акцента: «Твою мыть да твою мыть!» Пока они его волокли, псина за ним бежала. Гавкала, всех перебудила в два ночи. Я выглянул, хотел присоединиться к компании, да моя зараза не пустила. Поздно уже было, да и спешили они, видать.

– Эта собака? – Я приоткрыла ворота бункера и кивнула внутрь.

– Вроде она. Та тоже маленькая была. И гавкала. – Сеня громко икнул. – Пардон! Она что,дохлая?

Я осторожно кивнула головой, ничего не понимая.

– Что она здесь делает? – Сеня спросил самое умное, что смог придумать.

– Как видишь, валяется и не гавкает.

– А где хозяин? – Он опять икнул. – Пардон...

– Этой машины? Он наверху. – Я указала в сторону дома. Пока я ничего не могла понять.

– Сеня, а ты точно видел, что они тащили его именно сюда? Меня ведь не было. И Яныч об этом знал.

– Дашка, вот я и говорю, что без пол-литры не разобраться. Они этого мужика к тебе во двор занесли. Я точно видел. Почему и пришёл, думал, он сегодня с похмелья, захочет принять. Сама понимаешь. – Сеня потупил взор и, приложив огромные руки к дырке на рубахе, как раз напротив сердца, признался:

– Утром я уже приходил, никто не открыл. Дай, думаю, ещё разок после трёх загляну. На этот раз повезло.

И он опять икнул. Но не извинился «пардоном», а сел на краешек скамейки, которая под его весом жалобно скрипнула.

– Ладно, Сеня. Разберёмся, – устало сказала я, направляясь вглубь двора. Боком пройдя вдоль сверкающего бампера машины, подошла к кабинке душа, спрятанного за живой изгородью, увитой виноградом. Дёрнула дверь и обомлела. Увиденное повергло меня в состояние ступора.

Может быть, я бы так и стояла истуканом, если бы не та самая, уже знакомая мне крыса, которая в этот раз кинулась в мою сторону из-под голубенького тазика, аккуратно приклонённого к стеночке. Я визгливо, как-то по-бабски истошно завопила.

Когда в лёгких стало пусто и я замолкла, то так и стоя-

ла, судорожно глотая ртом воздух – совсем как рыба, выброшенная на берег.

Внутри, на табуретке в предбанничке, неестественно свесив голову набок, сидел голый мужик. Из всей одежды на нём были только носки и кожаные сандалии (кстати, похоже, очень дорогие). Все остальные вещи аккуратно висели на гвоздиках, вбитых рядочком в стенку душа. Тут же у табуретки стояла и барсетка.

В руках мужик держал пустой стакан. На его правой ладони виднелась небольшая наколка в виде трёх семёрок, которые жались к большому пальцу.

– Вот что значит вовремя не похмелиться. – Услышала я из-за спины сочувственный голос Сени. – А ты говорила: он наверху. Не дождался пива, вот и помер, бедолага.

– То есть как помер? Почему здесь? – Вернулся ко мне дар речи. – Кто позволил? Это мой двор!

Сеня, не слушая моих возмущений, сочувственно говорил, дыша мне в макушку густым перегаром:

– Почему, почему? Не видишь – стакан пустой? Вот почему.

– Но это не он.

– А машина чья?

– Не моя. И не его. – Ткнула я пальцем в голого мужика. – А может, и его? Уже не знаю.

– Что случилось? Почему ты кричала? – Вадим заглянул

через наши спины внутрь душевой кабинки и замер. – Ах, вот он где...

– Это хозяин машины, – шепнула я Сене на ухо.

– Здорово, мужик! – Сеня повернулся к моему квартиранту и, внимательно оглядев его, произнёс:

– А ты совсем не тот мужик, которого волокли. Тот вон сидит. Похоже, неживой. Что делать-то будем?

Мы все молчали. И тут Сеня, вытирая подолом грязной рубахи потный лоб, брякнул полную чепуху:

– А может, закопаем?

Диким взглядом я буквально испепелила его, и он, оправдываясь, пролепетал:

– Я имел в виду только собаку. – Помолчав, продолжил: – А ещё лучше предлагаю принять граммульку для прояснения мысли и промывки мозговой извилины. А этот пусть тихонько посидит здесь, пока мы подумаем. Дуся, может, его простынькой прикрыть?

– Сеня, ты пойди-ка лучше на кухню. Там, в шкафчике стоит, увидишь. Налей. Всем налей.

Осторожно прикрыв двери душевой, Сеня ушёл на неестественно прямых ногах. Я и Вадим остались стоять рядом с душевой кабиной. Рывком развернув нового постояльца к себе, решительно потребовала:

– Рассказывай!

– Это мой брат. Он же – компаньон по бизнесу.

– Ну! – Я начала его трясти.

– Остальное потом. Но никто не должен знать, что здесь произошло. Пока. Хотя бы сутки.

– Он что, так и будет здесь сидеть? Голым?

– Зачем здесь? Почему голым? Мы его спрячем.

– Куда?

– Море большое, есть куда прятать. – Он сказал это так спокойно и даже обыденно, что у меня мороз по коже пробежал.

– То есть? Ты хочешь его – того?.. Он что, умер?

– А ты сама не видишь?

– Я не знаю...

Повисла тягостная тишина.

В этот момент железная дверь душа сама собой распахнулась, с грохотом ударилась о железное корыто, которое валялось рядом.

Голый дядька внезапно как-то судорожно всхлипнул, дёрнул головой и посмотрел на нас мутными глазами.

Его чудесное оживление меня так обрадовало, что я во всю глотку заорала:

– Ур-р-р-ра! Живой!

– А ты думала какой? – Вадим накинул на брата полотенце, которое я так и держала в руках.

– Но собака была дохлая... Я и подумала...

– Вот вся ваша бабская логика! – хрустя огурцом, произнёс Сеня, выглядывая в окошко кухни. – Я же сразу сказал:

без пол-литры никак не разобраться. Мужику надо срочно налить, а то он точно окочурится. Пиво есть?

– Безалкогольное, – отозвался Вадим.

– Дело дрянь. Надо бы водочки.

– Коньяк подойдёт?

– В самый раз. Доставай.

Всё пришло в движение. Брата разули, поставили вертикально и включили душ. Под струями тёплой воды, нагретой солнцем в баке, и под напором холодной воды из уличной колонки, которой я прицельно поливала его из шланга, этот невменяемый гражданин наконец-то пришёл в сознание. Увидев, что из шланга его поливает женщина (то есть я), он повернулся спиной и попытался одной рукой прикрыть свои срамные места, а другой начал отмахиваться от холодного и безжалостного потока воды, которым я целилась в него, как из пулемёта.

Какое-то дикое ожесточение охватило меня, когда я поливала его водой.

– Гадёныш, пьянь позорная, алкаш подзаборный, сучий потрох! – Это только печатные выражения, которые я довольно громко шипела, стараясь попасть в него упругой струёй воды. – Заставил меня пережить такой стресс! Такой удар! Покойник в доме! В душе! Хорошо хоть не в кухне. Будешь знать, пьянь, как пить всякую дрянь!

Сеня меня еле оттащил от шланга, попросту перекрыв кран.

– Всё, Даша, хватит. Пожалей мужика. Он уже синий от холода. Его пора приводить в чувство. Пошли, родной, как там тебя...

Он обернул трясущегося дядьку в полотенце и отвёл на кухню.

Меня сразу как-то попустило, как будто вода смыла напряжение последних событий. Только вот в голове немного гудело. Устала, наверное.

Спустя полчаса мы все вместе сидели на веранде и оживлённо обсуждали происшедшее. Лично я больше всего переживала, чтобы под тяжестью Сени не рухнул мой второй этаж. Но, видно, хорошо строили в начале века, да бывший муж не подвёл, когда возводил веранду и устанавливал лестницу.

Брат Вадима почти без чувств лежал в углу комнатки на бойцовском мате.

После перепития он очень страдал и, видимо, поэтому тихо стонал. Пытка холодным душем, которую я ему устроила, немного вернула его к жизни. Во всяком случае, хорошенько взбодрила. На голове у него сохла мокрая салфетка. И весь он был, как эта мокрая тряпка, безвольный и жалкий.

Тем временем Сеня колдовал над бутылками и закусками – в этом он был, безусловно, мастак. Благодаря его навыкам и обширным знаниям в народной науке под названием «похмелье» наш новый знакомый постепенно приходил

в себя.

Что с ним произошло накануне, он вразумительно так и не смог нам рассказать. Рваная нить его воспоминаний заканчивалась на том моменте, когда он вместе с Янычем, обмыв балансировку, приступил к тосту за надёжные тормозные колодки. Дальше – туман и провал в памяти.

Между тем Вадим не переставал доставать его вопросами:
– Скажи мне на милость, почему ты спал сидя голым в душе?

На что тот тихим и усталым голосом отвечал ему:

– Объясняю. Спал, потому что устал. Сидя, потому что спать сидя, согласись, всё же удобнее, чем стоя, а голым, потому что это душ. Там положено раздеваться.

– А что, логично, – деловито разливая коньяк, заметил Сеня.

– В общем-то, да, логично, – согласился Вадим. – Но ты же не пьёшь! Во всяком случае, столько. В конце концов, ты мог принять определённые меры предосторожности...

Но тот, видно, не слушая его, пробубнил себе под нос:

– Не пил и не буду пить.

– Не зарекайся, тьфу-тьфу-тьфу! – заметил Сеня, протягивая ему стопочку. – Прими. Полегчает, милый. Такое пережить! Это всё Яныч, говнюк, со своей палёной водярой. Жлоб конченный. Так напоить и бросить беспомощного человека в чужом доме. И где!

– Кстати, почему в моём душе?

Брат Вадима даже вздрогнул, когда я посмотрела в его сторону.

– Не знаю... Правда... Помню только, я захотел освежиться. Но у них мойка была занята. Кажется, поэтому. Не помню. Я настаивал, хотел под душ немедленно... Вот меня и отвели. Раздели и бросили.

– Документы на месте? – спросил его Вадим.

– Всё со мною. В барсетке.

– А где машина?

– Во дворе стоит. Ты что, Вадик! – Он даже приподнялся на локтях, но тут же рухнул обратно.

– Нет, дорогой. Там стоит моя машина. Ты видел номер?

– Не может быть!

Все переглянулись:

– В мастерскую! – дружно сказали мы с Сеней.

– Яныч за рупь мать готов удавить, а тут у него в руках, в его гараже, на шару такая тачка оказалась. И без хозяина. Почти без хозяина! Разберёт, как пить дать, разберёт на запчасти или что стырит. К его липким рукам всегда что-нибудь пристаёт. Были уже случаи, когда люди продавали ему машины за гроши. Он умеет подловить на горячем.

– Не спешите. Надо подумать. – Это уже Вадим. – Говорите, был ранее в подобном замечен? Кстати, а кто такой Цика?

– О! Ты, брат, хватил, – оживился Сеня. – Его имя надо произносить шёпотом и на полусогнутых. Это местный авторитет. Ещё из той, старой гвардии. А был когда-то ментом.

У них все мужики в семье шли по этой линии. Сколько было Цикиных – все мусора или чекисты, ещё с революции. Без их ведома ничего в нашем районе не должно было происходить. Что чихнёшь, что пёрнешь – доложат. Если Ян его ругал, значит, Цика не слышал, но успел где-то сильно наступить на его любимую мозоль.

– Что делать-то будем?

– Для начала думать. У тебя есть лист бумаги и карандаш? Неси. – У Сени явно прорезался талант аналитика. – Так что будем искать, Вадим?

– Машину. Такой же марки и цвета. Это наши корпоративные номера. Цвет машины тоже. В нашей компании их три: моя, моего менеджера и моего компаньона, то есть брата. Всё. Насколько мне известно, менеджер в Канаде, компаньон – в Европе. Был. Оказывается, он здесь. – Кивок в угол комнаты. Оттуда донёсся слабый стон.

К больному на всю голову брату-компаньону поспешил сердобольный Сеня со стопочкой в одной руке и огурчиком, ловко наколотым на вилку, в другой.

– Прими ещё, родимый, полегчает. А сейчас ну-ка давай рассольчику. Дарья, плесни-ка свеженького в кружку. Нас, мужиков, жалеть надо, нас лелеять следует, а не так, как ты, из шланга! Куда не следует... Ничего! И не таких вычухивали. Не бойсь!

Сеня, умница, сумел-таки привести в чувство нового го-

стя. Через час он уже сидел, потом встал самостоятельно. Но всё равно было видно, что без посторонней помощи ему ещё очень тяжело.

Я поручила Сенечке довести мужика до нормальной кондиции в срок минимум до утра. Вадим наше доверие подтвердил хрустящей купюрой – на непредвиденные расходы в деле излечения брата от явно алкогольного отравления. Погрузив на себя его почти безжизненное тело, Сеня грузно спустился по крутой лестнице (как она выдержала, бедняжка!) и, бережно, но крепко поддерживая его за плечи, фактически переволок мужика к себе во двор, вернее, в свою любимую беседку – поистине райское место.

Всё, теперь я была спокойна. Завтра утром нам вернут его в целости и сохранности, свеженьким и трезвым.

Однако спустя минут десять, по-видимому, обнаружив чужого дядьку в беседке и приняв его за очередного собутыльника её благоверного (что, в принципе, соответствовало действительности), последняя Сенина сожительница, которая, как и все предыдущие, считала себя его женой, подняла крик на всю улицу. Сеня в ответ что-то прорычал. Та не унималась. Послышался грохот тазиков и ещё чего-то железного, потом звон разбитого стекла.

Лениво залаяла собака, которая уже привыкла к разборкам хозяев. Вернее, крику очередной и, судя по всему, временной хозяйки. На её собачьей памяти это была уже третья женщина в доме. Покричит и смирится. Или уйдёт, как и все

предыдущие. Придёт другая.

Спустя четверть часа к соседскому дому подъехало такси, хлопнули дверцы, и стало тихо. Сеня и брат Вадима отбыли в неизвестном направлении. Вполне вероятно, в сторону лодочных гаражей, на берег моря.

Тем временем я решила учинить допрос своему новому знакомому. Для этого не стала ходить вокруг да около, а спросила в лоб:

– Ты мне объясни, что намерен искать.

– Честно?

– Хотя бы наполовину, чтобы я поняла.

Для пушей убедительности я крепко упёрла свои кулачки в щуплые бока и стала надвигаться на него всей своей сорокапяткикилограммовой массой. Смешная, право.

– С чего начнём? – Он даже немного растерялся от моего натиска.

– Не тяни. Начинай сначала. Вечер тёплый, долгий, спешить до вторника никуда не надо. Спать неохота.

Он почему-то улыбнулся:

– Когда ночью двое взрослых людей не хотят спать, они занимаются... Сама знаешь чем.

– Да ты, оказывается, пошляк! Не ожидала... Короче, не заговаривай зубы! Нечего отвлекаться. Рассказывай всё! Начинать можешь хоть с конца, хоть с середины – я пойму. Главное, рассказывай, я должна знать, что происходит во-

круг меня, что ты собрался искать. Иначе – выметайся ко всем чертям!

Он закурил, откинулся в кресле и стал внимательно, изучающе разглядывать меня, слегка прищулив глаза.

«Сейчас начнёт гнать пургу. Наверное, про какие-нибудь долги или про наследство. Ну-ну, травы».

Вадим, как будто прочитав мои мысли, гася сигарету в пепельнице, произнёс:

– Хорошо. Согласен. Если ты будешь мне помогать, то имеешь право знать, что я намерен искать. Речь идёт о наследии.

Он именно так торжественно и сказал: «О наследии!...». И опять замолчал. Я ждала.

– Давай вспомним историю. Как ты относишься к бело-гвардейцам и казакам?

– Которые против красных?

– Они самые.

Помолчав, я ответила, глядя на кончики своих пальцев, как будто внимательно разглядывая несуществующий маникюр:

– Я никого не оправдываю и никого не осуждаю. Ещё неизвестно, каких бы мы дров наломали, живи в те годы. Хотя в последнее время появилось много разных толкований истории. У каждого деятеля – своё. Думаю, что правильнее было бы судить поступки по их мотивам и последствиям.

– Как это?

– Справедливо – несправедливо, подло или честно, по любви или за деньги. Так же, как и сейчас, мы выясняем свои отношения в семье, в коллективе, короче, в обычной обстановке, в быту. Масштабы истории мне никогда не были понятны до конца. Всё в этой жизни делают обыкновенные люди. Скажем так, их руками, при их участии. История делается обывателями, и не всегда и совсем не обязательно вождями или лидерами. Может, это как-то книжно звучит, но это я так думаю. И среди белых, и у красных было много подлецов и героев.

Он по-прежнему рассматривал меня, глядя с интересом, но как-то отчуждённо, как будто я – какой-то экземпляр. От этого я почему-то смутилась.

– Честно признаюсь, и сама это прекрасно знаю, что я страшная трусиха. И поэтому, наверное, если бы всё это происходило вокруг меня, точно залезла бы в свою норку и не высовывалась. Кто знает... Так что искать будем?

Совершенно спокойно, не меняя выражения лица, Вадим ответил, закуривая новую сигарету:

– Клад.

– Примерно так я и подумала. Большой?

– Мешка два.

– Отлично! А чей клад?

– Мой. Если я ищу, значит, мой.

– Я спрашиваю, кто раньше был хозяином того, что ищешь.

– Те самые белые и казаки. Одним словом, это была казна, вернее, часть золотого запаса армии Врангеля.

– Круто. Масштабно. Я бы сказала – эпохально! Одного не пойму – при чём здесь я? Оно тебе надо – делиться с кем-то? Или его там столько, что хватит всем?

Он чуть не поперхнулся от дыма (а может, от жадности?), но ничего не ответил. Я продолжила:

– А куда ты будешь девать своего брата-компаньона? Похоже, он тоже за этим явился сюда. Хотя брат – дело святое. Я-то здесь с какого рожна?

Чтобы Вадим скорее прокашлялся, я со всего размаха ударила его кулаком в спину. Он благодарно глянул и, чуть отдышавшись, сказал, улыбаясь:

– Относительно тебя у меня появились интересные мысли и даже планы...

Он задумался и неожиданно, как мальчишка, сморщил нос. Снова закурил.

Да сколько можно курить!

Помолчал. Я его не торопила. Мне было любопытно, что же он такого интересного напоёт мне в следующую минуту.

Однако такого продолжения темы, честно говоря, не ожидала. Хорошо, что было уже довольно темно, к тому же Вадим отвернулся (никак смутился, стервец!) и поэтому не увидел моего обалдевшего выражения лица.

– Мне всегда очень нравились женщины с рыжими воло-

сами. Моя жена рыжая, правда, крашенная. У мамы была копна рыжих волос, но своих. Она не была красавицей, но слыла редкой умницей. Многие, кто её плохо знал, думали, что она ворожит, наводит порчу, короче, занимается всей этой белибердой. Они совсем её не знали...

По-видимому, что-то вспомнив, вздохнул.

– Она рано ушла. Помогли... Добрые люди...

Замолчал и опять потянулся за сигаретами. Я молча ждала, когда он закурит, сделает несколько затяжек... Спустя пару минут продолжил:

– Я помню её. Маленькая, похожая на подростка.

Тут он посмотрел на меня. Я кожей почувствовала его пронизывающий взгляд, как будто Вадим увидел меня не утром, а только сейчас. Моментально поняла, о чём он подумал, и отшатнулась:

– Ты так не шути. У нас разные мамы. И вообще, ты – это ты... А я...

Он продолжал молчать, уставившись на меня:

– Но она отсюда родом. Родилась где-то здесь. Точного адреса дома не знаю, но на нём есть наш вензель. Вернее, на воротах дома. А её мать, моя бабка, польская еврейка, тоже рыжая и маленькая, родила ребёнка в шестнадцать лет от заезжего кубанского казака. Как это говорят – принесла дитя любви в подоле. Отец её проклял, но вскоре его самого расстреляли Советы, когда вошли в город. А её мать тоже умерла – от тифа. И осталась моя бабушка одна с дитём

в этом кошмаре. После двадцать пятого года вышла замуж за инженера, и они вскоре перебрались в Киев. Там и родилась моя мама.

– Ты хочешь сказать, что...

– Вот именно. Не исключаю, что мы с тобою родня. Сегодня утром в машине я никак не мог отделаться от наваждения, что знаю тебя, причём знаю очень давно.

– У меня таких мыслей не было. Хотя... Ты знаешь, мне бабушка рассказывала. Судя по тому, как лихо гулял мой дед в молодости, половина нашего города может числиться между собою роднёй.

Вадим оживился:

– Ну-ка, ну-ка, а с этого момента, если можно, поподробнее.

– А что тебе поподробнее, как он тёток обхаживал? Или какие подробности тебе нужны? Одно скажу, так и моя бабушка всегда говорила, что дед был баламутом и бабником. И в то же время – настоящим мужиком. Наш город всегда считался вотчиной казаков. Попал дед сюда, по-моему, во время первых пятилеток. По словам бабули, в своё время он очень помог повысить рождаемость и в нашем районе, да и, наверняка, в стране в целом. Наплодил кучу детей.

Теперь что ни год – приезжают летом на отдых дальние родственники со всего бывшего Союза. Много мотался по всяким стройкам. И везде бабы его любили, уж очень он был говорливым и ласковым. Себя не жалел, никого не мог

из женщин обидеть, поэтому и не отказывал. Вот только жене свою, мою бабушку, обижал своими изменами. Она поначалу сердилась. А потом поняла, что его не переделаешь, а только потеряешь в принципе неплохого мужика, у которого в наличии только один существенный недостаток – щедрое на любовь и ласку сердце и... И сам знаешь что. Бабуля давно уже в глубине души махнула на него рукой. Но для виду и для приличия иногда устраивала ему семейные сцены и разборки с пристрастием, чтобы знал, кто в доме хозяин.

– Что, так сильно гулял? – Уже всю хохотал Вадим, видимо, одобряя поведение моего деда.

– Да ну тебя! Все вы, мужики, одинаковые. Небось одобряешь? Признайся?

Мне стало даже немного обидно.

– Что ты! Что ты! Я за крепкую ячейку общества! Продолжай. А ты сама что, не любишь своего деда? Осуждаешь, как и все бабы?

– Да нет. Я его понимаю. Пытаюсь понять. Он просто свободу любил. Не мог долго быть на одном месте, поэтому частенько уезжал на месяц-два, а то и на полгода, не считая непрерывных для тех летстроек типа Магнитки или Днепрогэса. Его сын, мой отец, – достойное продолжение рода Селивановых, но не такое яркое и колоритное. Но и он тоже любил покататься по свету. Выучился на геолога, и поминай, как звали. Мама историк, вернее, археолог. Тоже в земле прокопалась всю жизнь со своими черепками и городищами.

И если бы хоть раз нашла что-то стоящее, клад какой-нибудь или ещё что, а то так – какие-то захоронения или обгорелые стены.

Вадим с интересом меня слушал, не перебивая.

– Вот так вдвоём они толком и не заметили, как жизнь прошла. Дочка стала бабушкой. Это я о себе. Пока эта троица разъезжала по всему свету, моя бабуля растила сначала меня, а затем Мурку – внучку мою... Не так давно ушла и она. Похоронили мы её...

– Постой, постой, как, говоришь, твоя фамилия?

– Девичья? Селиванова. Дария Сергеевна.

– Говоришь, Селиванова... А мама археолог?

– Я поняла, к чему ты клонишь. Если насчёт раскопок – так и быть, порасспрашиваю её, когда увижу. Я же теперь с тобою в доле. Только объясни нормально, толково и по порядку, о чём у нас с тобою идёт речь. Какой такой склад?

– Конечно-конечно... Но ты же понимаешь: чем меньше знаешь, тем крепче спишь. Хотя без твоей помощи мне уже не обойтись. По-видимому, придётся подключать дополнительные силы. Я имею в виду твою подругу из музея. Ещё потребуется катер.

– Катер не проблема. У Сени есть. Старенький, но надёжный.

– Это хорошо. Надо, чтобы он был не очень приметным, обыкновенным. Нам придётся много поработать в море.

Я обратила внимание, что Вадим как-то невзначай сказал

«нам». Что-то подозрительно быстро я вошла к нему в доверие. Не нравится мне это. Мужик на вид серьёзный, а поступает, как дилетант, пацан какой-то. В моём понимании было не совсем логично.

Приехал, по сути, за крутыми бабками, а сам ведёт себя как-то несерьёзно. То, что он будет делиться со мною добычей, я как человек здравомыслящий очень даже сомневалась.

Эти его рассказы и сказки про рыжих тёток тоже меня мало тронули. Может, и было что-то подобное в его родне, но это не повод, чтобы разбрасываться сокровищами налево и направо. Мало ли кругом рыжих баб шатается!

Мутный тип, ох, и мутный! А как смотрит! Море обаяния! Я терпеливо ждала продолжения рассказа.

Он закурил. Посмотрел на висевшую над городом луну, на раскинувшийся у его ног город, на мерцавшую цепь огней на далёком горизонте – это корабли, стоявшие на рейде, ждали своей очереди в порт. Вечер был тихим, тёплым и располагал к любви или, на худой конец, задушевной, спокойной беседе. Чем мы и занимались. Я имею в виду беседу. Пока только беседу.

Докурив, Вадим продолжил:

– Когда белая армия уходила из Крыма, последний борт, на который спешно грузились отступавшие казачьи сотни, отходил вон от того причала.

Вадим показал в сторону сияющего колеса обозрения,

стоящего на городской набережной у морского вокзала. Как бы подтверждая свои слова, он неожиданно прихлопнул по поручню веранды рукой и добавил:

– Именно отсюда. Вот такие-то дела.

– Ну и что?

– Мой прадед Семён Свиридов за личное мужество и героизм во время Первой мировой войны получил поочерёдно четыре знака воинской доблести – георгиевские кресты всех четырёх степеней. А затем высочайшим указом царя моего прадеда наградили золотым «Георгием» и пожаловали именное дворянство. Потом революция, Гражданская война и, наконец, бегство от красного террора с армией Врангеля в Стамбул.

Это уже во Франции, будучи в эмиграции, у него появилось почти новое имя на французский манер – Симеон Сфридофф. Так вот, Семён служил у Врангеля в разведке, был офицером штаба. При отступлении войск круглосуточно находился, вернее, сопровождал три больших ящика. У него в подчинении было несколько надёжных людей, имевших чёткий и жёсткий приказ: убивать каждого, кто попытается приблизиться к этим ящикам. Только трое имели право находиться рядом с ними без особого риска для своей жизни: казачий сотник, который командовал сотней головорезов и, помимо этого, круглосуточно приглядывал за офицерами штаба и разведки, то есть и моим предком...

Он снова задумался, по-видимому, что-то припоминая,

или просто тянул время – не знаю. Опять закурил.

Да, лёгкие свои он никак не бережёт. Видно, волнуется, бедняжка.

– Так вот. Фамилия этого сотника была...

Вадим глянул на меня сквозь ароматное облако сигаретного дыма.

Как кино, честное слово. Я решила ему подыграть и округлила глаза:

– Не может быть!!!

И для пущей убедительности даже откинулась на спинку стула. А про себя подумала: «Действительно, а почему бы и нет? Я, к своему стыду, очень мало знаю о своих предках. Да, стыдно, но это так...»

А Вадим продолжил, как бы прочитав мои мысли:

– Почему бы и нет? Фамилия у него была именно такая же, как и у тебя, милочка, – Селиванов!

Если это действительно так, то складывается любопытнейшая ситуация, совсем как в индийском кино.

Да, ничего себе – лихо закрученный сюжет.

– Даже не знаю, что и сказать. Выходит, у нас с тобою общие предки – то ли деды, то ли бабки. Пока не разберусь никак. Так, давай пока это оставим до следующего раза. Хорошо?

Он согласно кивнул и продолжил свой рассказ (а может, и сказку, пока не знаю):

– И третий человек, который мог проверить их обоих, –

лично Врангель.

– Во как!

– Да. Именно так. Хотя... Был ещё один, который не имел никаких особых полномочий, но всё видел, всё слышал и всё запоминал, – офицерский денщик. Совсем юный парень, расторопный, ловкий, немногословный. Служил он исправно, никто никогда не замечал его присутствия. Выполнял всё, что положено по службе, справлялся с кучей других дел, но если случалась свободная минута, не точил лясы, а сидел в углу, уткнувшись в книжку. Вида он был невзрачного, внешности никакой. Ни лица, ни голоса его никто толком и не припомнит. Служил исправно, не болтался без дела, не мешался под ногами – и то хорошо.

В ожидании транспорта и окончательного ухода из Крыма они расположились в доме у Большой лестницы. Дом огибали две дороги – одна к порту, другая за город. Рядом, чуть выше, на Горе, развалины ещё дохристианского городища, а под землёй – и все об этом знали – были вырублены ходы обширных каменоломен. Там не то что три ящика – армию можно было спрятать.

Доподлинно известно, что ни на один транспорт эти ящики не попали. Вернее, ни один из ящиков не прибыл в Стамбул. Значит, они наверняка где-то здесь, в городе.

– Откуда ты знаешь?

– В своё время много читал, копался в архивах, помог интернет. Вначале я постарался всё выяснить про Врангеля

и его войско. Затем долго наводил справки, выяснял, сравнивал, изучал, какую казну они могли захватить с собою.

– И что?

Увлёкшись, Вадим как бы перенёсся в то время. Он так себя вёл, будто находился там и видел всё то, о чём мне рассказывал.

– А казна-то была немалая. Помимо основного золотого запаса, что они привезли в город, есть огромная вероятность того, что им достались и коллекции местных аристократов и купцов, которые жадно собирали и скупали до революции всё, что находили в окрестностях города археологи всех мастей. Не тебе объяснять, какие сокровища здесь были обнаружены.

– До сих пор находят. Как какую канаву роют – бац! Или клад, или снаряд!

– Вот-вот, и я о том же. Не отвлекай! Или тебе неинтересно?

– Что ты, что ты! Продолжай!

– Так вот. Всё это надо было охранять. Оказывается, мой прадед был одним из этих трёх сопровождающих. То, что он был дворянином и служил у Врангеля, я узнал давно и случайно. Но не придавал этому особого значения. Потом мне попались на глаза кое-какие исторические архивные записи и мемуары. Постепенно складывалась довольно любопытная картина, где каждый факт занимал своё, чётко определённое место. В голове выстраивалось некое подобие идеи, которую

я предчувствовал, но не мог ещё чётко обозначить. Не мог найти начало и конец. Пока были только отрывочные фрагменты – так, кое-что. Выходит, и твой прадед имел к этим ящикам отношение.

– Но я не знаю, служил ли он у Врангеля. Пока только фамилия совпадает и всё. Ну и то, что он тоже был казачьих кровей. Я даже точно не знаю, как его звали. У нас нет ни одной его фотографии. Каким был его сын, то есть мой дед, я рассказала. Знаю точно, что он – казак, из зажиточных кубанцев. И всё.

– А можно глянуть на фото деда?

– Да, внизу, в бабушкином сундуке лежат старые альбомы. Будем сейчас смотреть?

– Нет, давай завтра. Собственно, это пока не очень важно. Нам надо для начала найти хотя бы место, где хранили эти ящики. Затем в море точное место, где их грузили на пароход.

Вадим снова замолчал. Потянулся в кресле, смачно хрустнув суставами, предложил:

– Продолжим после кофейку?

– Пойду приготовлю.

Я отправилась вниз. Спустя минут десять вернулась с электрочайником и двумя чашками. Кофе, сахар, печенье уже стояли на столике.

На улице немного похолодало, со стороны моря подул лёгкий освежающий ветерок. Чашка горячего кофе оказалась

весьма кстати.

– Однажды, лет пять назад, когда я был уже достаточно обеспеченным человеком, имел свой налаженный бизнес, решил сделать капитальный ремонт нашей старой квартиры на Подоле. Раньше, ещё до войны, она полностью принадлежала нашей семье – моему деду и бабушке. Но после войны их хорошенько потеснили, отобрав две большие комнаты.

Так вот, я решил расширить свою квартиру за счёт комнаты, выкупленной у соседей-пьяниц. Она когда-то была нашей. Пробивая нишу, в простенке между этими комнатами я и обнаружил тайник. В нём – пакет любопытных документов, в основном семейные бумаги и фотографии. Была там и одна ветхая тетрадка без начала и конца. Как оказалось, дневник моего прадеда. Того самого, который впоследствии стал французом-эмигрантом.

С неё, собственно, всё и началось. Из этой тетрадки я многое узнал про моего деда. Даже о том, как он вернулся в Россию через Китай. Потом, женившись на русской в Хабаровске, принял её фамилию. Но это другая история. Я тебе её тоже когда-нибудь расскажу. В следующий раз...

– А где эти тетрадки?

– Дома, в моём сейфе. В кожаном пакете. Короче, когда белая армия спешно грузилась на последний корабль, уходивший в Стамбул, решено было взять с собою казну. Не оставлять же её красным!

Всё это время ящики с казной находились в одном из до-

мов, расположенных недалеко от порта. Когда был получен приказ их вывезти, трое людей, которые находились постоянно при этих ящиках (офицер, сотник и денщик), под охраной казаков во дворе дома уложили их в телегу. Сверху кинули какую-то рогожу, чтобы прикрыть, и рванули в сторону набережной.

Расстояние было плёвое: метров двести-триста, не больше. Дорога от дома резко поворачивала к порту.

А в это время с другого конца улицы уже неслись тачанки красных.

С ужасом трое людей, знавших истинную ценность груза, поняли, что у них есть всего несколько минут. Подогнав телеги как можно ближе к причалу, казаки, расталкивая людей, размахивая во все стороны нагайками и шашками, прокладывали дорогу сквозь оравшую толпу к переполненному трапу. Ящики были небольшими, но, судя по натужному кряхтению и по тому, как согнулись под их тяжестью носильщики, довольно тяжёлыми.

Неожиданно послышались близкие винтовочные выстрелы. Пули зачиркали по воде. Началась паника. Спустя короткое время по густой толпе откуда-то сверху ударили из пулемёта. Похоже, его установили на склоне Горы, которая возвышалась над городом.

Толпа, как один человек, вдруг ахнула и сразу пришла в беспорядочное движение – кто упал на заплёванный причал, кто, спасаясь от пуль, кинулся прямо в ледяную воду –

было уже холодно, ноябрь, море давно остыло.

Бабы истошно закричали. Лошади испуганно захрапели и стали на дыбы, переворачивая телеги и пролётки.

В этот момент пулемётная очередь прошла как раз по носильщикам, которые, несмотря на вес ноши, довольно скоро двигались по трапу гуськом один за другим. Все трое одновременно как-то нелепо наклонились в разные стороны, потеряли равновесие и рухнули в море. И люди, и ящики ментально пропали в его холодной глубине.

Красные войска уже вошли в город. Конница мчалась по узким грязным улицам к набережной, от причала которой торопливо уходил в небытие последний корабль с остатками белой армии. Среди пассажиров находились трое, которые подозревали, а может быть, и доподлинно знали, какие сокровища легли минутой назад на илистое морское дно.

– А что там было? Ты знаешь?

– В тайнике я нашёл интересный документ – заверенную копию списка предметов, которые находились в ящиках. Помимо золотых слитков и монет царской чеканки, в одном из них были изделия из серебра и золота общим весом шестьдесят три килограмма. Цитирую: «Список ценностей, изъятых из хранилища городского исторического музея и главного сейфа городского банка, в результате археологических раскопок ранее извлечённых из древних захоронений, размещённых на территории города».

– Ты хочешь сказать, что там было древнее золото ски-

фов? Общим весом шестьдесят три кило?

– Выходит, так.

– Ни фиги себе!

Я даже крикнула от этой новости. В горле запершило, во рту пересохло. Чужим, каким-то не своим голосом я сипло и очень тихо произнесла:

– Это же сокровища такого масштаба! Такой ценности! Ты хоть понимаешь, что они никак не могут принадлежать кому-то одному?! Это – достояние мирового уровня!

Залпом выпила остывшее кофе. Ещё пару минут приходила в себя, пытаюсь осознать и просто прикинуть, сколько может стоить сегодня это золото, неожиданно выплывшее из... Откуда выплывшее? Или извлечённое. Откуда?

– Где список?

– В одном месте. Придёт время, считаешь. Кстати, участок набережной, который ранее примыкал к причалу, в настоящее время расширен, частично засыпан, акватория, видимо, углублена. Построена новая лестница, ведущая к морю. Я сегодня это отлично рассмотрел в бинокль.

– Выходит, этого места уже нет?

– Хрен его знает. Надо выяснить, когда вели стройку.

– И выяснять нечего. У нас город весь полностью восстановливался после войны.

– Значит, работали военнопленные. Кто из наших ими командовал?

– Это я выясню. У меня в архиве кума работает.

– Отлично.

– Ну, рассказывай дальше.

– Кофейку!

– Сей момент! – Меня охватило какое-то нервное возбуждение. Даже если мы ничего и не найдём – сама цель поисков (и какая цель!), согласитесь, чего-то да стоит!

Золото скифов! Вот это да!

Я уже привычным движением поставила на низкий столик две чашки, включила чайник, достала сахар из стенного шкафчика. Что ещё?

– Может, коньячку?

– Думаю, не помешает.

– Перекусишь?

Он согласно кивнул, доставая очередную сигарету.

– Сейчас принесу, без меня не рассказывай!

– Кому?

– Ну да!

Я побежала вниз по лестнице. Не включая света на кухне, метнулась к холодильнику, достала остатки сыра и ветчины, привычно повернулась за хлебом на столе, и в этот момент что-то чёрное и пыльное упало на мою голову. Кто-то сильными руками закрыл мне рот, чтобы я не закричала, и стал волочить прочь из кухни.

По пути я успела схватиться за край клеёнки, которая лежала на столе. Она потянулась следом. Раздался грохот пада-

ющих тарелок, кастрюль и ещё чего-то стеклянного и тяжёлого. «Трёхлитровая бутылка с огурцами», – пронеслось в моём мозгу.

Неожиданно в дырку покрывала или мешка, который злодей накиннул мне на голову, я увидела (или мне показалось?), как по столу катится человеческая голова. Она была совершенно лысой и поэтому в отражении лунного света тускло блестела. Докатившись до края стола, она гулко упала и больно ударилась о мои ноги. Мне стало плохо, и в который раз за сегодняшний день я потеряла сознание.

– Опять двадцать пять!

Я очнулась на полу крохотной кухни от яркого луча электрофонарика, который светил мне прямо в лицо. В руках у Вадима была бутылка холодного пива, которое он лил мне на голову. Рядом у ног валялся продолговатый кочан капусты. Видимо, та самая «голова», которая мне привиделась.

Похоже, от утреннего удара у меня уже начинаются галлюцинации.

Хотя то, что меня действительно схватили и тянули, – факт. Вот и мешок из-под картошки валяется на полу. А может, он здесь ещё раньше был? Не помню...

– Тебе опять стало плохо. Ты, теряя сознание, схватилась за скатерть и всё стянула на пол. А капуста, наверное, ещё и по голове ударила. Ты вырубилась. Я еле привёл тебя в чувство.

– А что, водой никак нельзя было? Зачем пивом? Утром Сене и брату пригодится.

– Воды в кране нет. А та, что стояла на столе, разлилась.

– Включи свет.

– Не работает, похоже, лампочку выкрутили.

– Что это было? Опять обморок?

– Мне кажется, Дарья, тебе пора отдохнуть. Нам пора отдохнуть.

Вадим поднялся с колен и уже собрался отойти в сторону, но я крепко схватила его за футболку:

– Не оставляй меня! Я буду спать рядом. Я боюсь...

Не знаю почему, но я так и не сказала ему, что кто-то хотел меня... (?) А собственно, чего хотел тот человек? Загадка. Кто это был? Пока не знаю. Но постараюсь выяснить. Завтра. Утром. А пока спать. Но только не одной.

Мне было совершенно неинтересно, что подумал Вадим, наверное, что-нибудь о своей неотразимой внешности или мужском обаянии... Для меня главное сегодня ночью не оставаться и не быть одной. Ни минуты.

Нет, ни мгновения. За минуту можно много чего сделать. Это я уже поняла накануне на кухне.

Вадим к моему предложению спать вместе отнёсся довольно спокойно. Во всяком случае, внешне.

Тахта наверху была просторной, места хватило бы и на четверых. Но я легла рядышком и, сославшись на голо-

вокружение, затихла.

Таким образом, мы нашу первую совместную ночь проспали, крепко обнявшись (вернее, это я в него вцепилась и не отпускала ни на секунду), без каких-либо последствий.

Во всяком случае, в тот момент лично мне было не до них. А мой сосед по постели просто не посмел на что-либо такое даже намекать, видя мою испуганно-измученную физиономию. Короче, не раздеваясь я рухнула рядом и тут же уснула.

Но предварительно в его сопровождении закрыла все двери на засовы, проверила все замки и впервые за долгие годы пожалела, что у меня не живёт во дворе самая злая на свете собака. Ну что ж, раз нет злой собаки, сойдёт и крепкий мужик. Пусть охраняет. Думаю, ему это понравится.

Нас разбудила птичья трескотня и переполох, который царил в листве огромной софоры, раскинувшей свои ветви у дома.

Я не стала открывать глаз. Лежала и чутко прислушивалась к тому, что происходит вокруг. Поймала себя на том, что даже во сне так и не отпустила руки своего нового знакомого. Собственно, он не очень-то и сопротивлялся. Даже осмелел. Поправил мне рыжий локон на виске, осторожно погладил моё плечо, кокетливо выглядывавшее из футболки.

Я по-прежнему делала вид, что ещё не проснулась.

Было около семи утра. По местным меркам – уже далеко не раннее утро. Ещё пару часов, и город зальёт жара, от ко-

торой можно спастись или в тёплом море (но это ненадолго), или в прохладном подвале с бокалом хорошего пива или лёгкого винца. У меня во дворе есть такое место – это мой бункер.

Накануне Сеня закопал несчастную собачку, предварительно сняв с неё медальон. Во всяком случае, он так мне сказал. Но я-то его отлично знаю и вполне могу допустить, что он просто спустил её в дыру нашего туалета – и поминай, как звали, бедолагу.

Кстати, выяснилось, что это любимая собака новоявленного брата. Звали её Пуля, а на ошейнике были инициалы хозяина: «Станислав Свиридов».

Кстати, надо попросить, чтобы Сеня показал мне место, где зарыл псину. Закопал он её или выбросил – разберёмся потом. Но, главное, перед тем как увезти брата Вадима, он в бункере прибрал, настезь открыл ворота, и за ночь там всё как следует проветрилось.

Я лежала с закрытыми глазами и вспоминала обо всём, что вчера произошло. Сколько неожиданных событий и сколько всяких тайн. И каких тайн!

Сокровища, клады и неизбежные приключения. Это всегда так интересно! И так опасно.

Но кто не рискует, тот, как говорится, не пьёт...

У меня сам собой сложился интересный каламбурчик: кто не рискует, тот пьёт на чужих поминках.

Что-то промчалось в голове, какая-то неуловимая и очень

важная для меня мысль. Я знала, что она ключевая и поможет объяснить всё, что вчера произошло со мною. Особенно последний эпизод с попыткой... Чего? Кто это был? Почему он хотел меня... неужели прикончить? За что?..

А за что обычно убивают? Правильно – за то, что слишком много знают... Или кому-то мешают.

Или сформулируем по-другому: кого обычно убивают? Верно! Того, кто слишком много знает.

Я похолодела. Вчера мне стало известно столько всего нового и очень важного! А вдруг я кому-то нечаянно перешла дорогу... Где?

А может быть, что-то не так не со мною, а с этим вот Вадимом? Может, это его хотели вчера убрать?

Каким-то сто сорок восьмым чутьём я почувствовала опасность, которая незримо исходила от моего соседа по кровати. Рука моя разжалась. Я отпустила его локоть и медленно повернулась на другой бок.

Предчувствия меня никогда не обманывали. Что-то здесь не так. Зачем он мне рассказал вчера всю эту историю? Мне – первой встречной?..

Помню, у меня внутри, там, где находится душа и где живёт интуиция, в том самом месте, где у каждого из нас расположен дар предвидения, именно там тихо звякнул первый звоночек. Он прозвучал, когда Вадим брякнул про море, в котором можно много чего упрятать. Утопить. Раз – и концы в воду.

Так запросто про брата! Странно. Что-то здесь нечисто. Всё же, что ни говори, – родная кровь. А он так легко, не разобравшись – живой он или уже того... Кстати, не очень-то обращая на меня внимания. Другой на его месте хоть бы в лице переменялся, удивился или испугался. А он – как бы между делом – камень на шею, выбросить в воду и все дела. Выходит, для него «спрятать человека в море», как в кино сходить – обычное дело?

Как это говорят: «Нет трупа, значит, и нет дела», – похолодев, подумала я и, непроизвольно натянув на себя простыню, укрылась ею с головой. Глубоко вздохнула и тем самым выдала, что не сплю. Решила больше уже не таиться. Ладно, додумаю потом. Всё равно в моей голове пока полная каша и неразбериха. Когда буду с самой собой наедине, обмозгую всё спокойно.

Главное, надо быть хитрее с ним... Я смогу. Надо только постараться.

А пока я потянулась, сладко зевнула и выгнулась, как кошка.

Я повернула к нему голову, взглянула весело и лениво. У Вадима загорелись глаза, ну и всё такое прочее. Дыхание выдало его волнение. Я всегда знала, что, несмотря на свои сорок, могу нравиться мужчинам. Легко! И в этот момент лишний раз в этом убедилась.

«Ах да Дуська, ах да сукина дочь!» – похвалила я сама себя, хотя хвалить-то было и не за что.

Какая ты конспираторша хренова! Ты – просто баба, которой нравится быть прежде всего женщиной. А потом уже всякие там поиски и опасности. Пусть о них думает кто-нибудь другой. А пока – надо радоваться тому, что жизнь сама преподнесла тебе на блюдечке с голубой каёмочкой, причём рядышком с тобой.

А что? Мужик нормальный. Что-то там про жену говорил... Разберёмся потом. Во как смотрит – сейчас сожрёт целиком. Хотя мы ещё посмотрим, кто кого проглотит. И не таких...

А почему бы и нет? Мне он как мужчина самостоятельный и предприимчивый очень даже симпатичен. Не сомневаюсь, более того, – отлично вижу, что я ему симпатична ещё больше!

Где-то там, в глубине души у меня начал зарождаться шаловливый огонёчек.

Ещё мгновение... И...

Но в последний момент что-то такое необъяснимое меня остановило. Я внутренним усилием взяла себя в руки и не позволила разгореться столь заманчиво развивающейся интрижке.

Поживём – увидим, а пока – пора вставать!

Судорожно вздохнула и одним рывком соскочила с кровати:

– Подъём! Труба зовёт!

Мы сидели в углу двора, в крохотной беседке – завтракали. День обещал быть жарким. Ещё не было девяти утра, а с улицы в густую тень софоры уже накатывали первые волны горячего воздуха. Обсуждали, с чего начать наши поиски. Отодвинув в сторону тарелки и чашки, Вадим раскладывал пасьянс из имевшихся у него документов. Получалась весьма любопытная картина.

Первое. Есть подробный список пропавших сокровищ.

Второе. С точностью до ста метров можно определить место, куда упали ящики. Чтобы отыскать их на дне, нужен катер и потребуются акваланги.

Здесь проблем не было. Акваланги Вадим приготовил заранее и взял с собою два комплекта. Накануне прошёл курс дайвинга.

У Сени есть катер, и, что немаловажно, его лодочный гараж расположен неподалёку от набережной, то есть от предполагаемого места поисков. Правда, дайвингу его никто не учил, но я не сомневаюсь, что он легко разберётся со всеми этими штуками, благо всю жизнь прожил у моря. Насколько я помню, он проходил службу как раз на флоте, а у его соседа по лодочному гаражу был акваланг. Так что ныряли.

Самое сложное заключалось в том, как заняться поисками, не привлекая ничьего внимания и не поднимая лишнего шума, а затем всё это вывезти и...

И дальше что?

– Вот именно – а что дальше? – спросила я, задумчиво помешивая ложечкой сахар в чашке с кофе.

– Дальше поживём – увидим. Признаюсь честно, у меня нет чёткого плана, как действовать.

– Как же ты сюда ехал – на «авось повезёт»?

– Почему же? Сейчас всё можно купить или нанять. Главное – знать, кого и за сколько. С этого я вчера и начал. Нанял тебя, всё и закрутилось.

Меня несколько покорило его замечание. Я отвернулась. Видимо, почувствовав, что сказал что-то не совсем то, Вадим поспешно добавил:

– Думал ли я вчера, что придётся работать не одному, а с такой обаятельной партнёршей.

Он подмигнул и поцеловал меня в плечо. Я ему, конечно же, не поверила, но виду не подала и, мило улыбнувшись, немного ехидно добавила:

– Кроме этого, появились ещё двое – твой брат и Сеня.

– Скажу тебе честно относительно брата – я не волнуюсь.

– Интересно почему?

– Он наверняка будет отдыхать и ничего толком не делать – пить, курить, спать и ждать, когда что-то получится. Или не получится. Короче, мой ближайший по матери родственник не станет нырять в море с аквалангом или без него или лазить по грязным пещерам. Он развалится в шезлонге, закурит сигарету, откупорит бутылку холодного пива и терпеливо станет дожидаться исхода дела. В принципе, ему всё

равно какого – удачного или бесполезного.

– Вот даже как? Что-то ты не больно жалуешь своего брата, похоже, не особенно и любишь его, а всё больше терпишь. Верно?

Вадим явно уходил от прямого ответа:

– Он у нас созерцатель и мыслитель. – Он выразительно покрутил перед собой руками, видимо, изображая какие-то сферы или что-то в этом роде.

– Ему, как он сам выражается, интересна жизнь во всех её проявлениях, но вмешиваться в её ход он не любитель. Как сложится – значит, пусть так и сложится. Даже весь наш бизнес я тяну на своём горбу. А он, видите ли, стратег!

– Минуточку! Но согласись сам: одно дело – тянуть на горбу. Тут особого ума не надо. И совсем другое – думать, как это сделать попроще. Так что кто из вас главнее или важнее в бизнесе – непонятно. Дело общее?

– Ну, как сказать...

– Деньги общие?

– В общем-то, да. Что-то он дал, кое-что я собрал. С этого и начали. Родичи помогли...

Я глянула на него с интересом:

– Например?

– В смысле связей. Бумагу какую или разрешение подписать, зайти в нужный кабинет к нужному человеку и прочее...

– Ну, так какого хрена ты делишь – моё, не моё. Всё же

брат. Не понимаю...

– Мы с ним родные наполовину, по матери. Отцы наши были разные. Закваска поэтому у нас тоже разная. Хотя фамилии одинаковые. Мать, наверное, так захотела.

– Теперь понятно, почему вы похожи, но не очень. Пстой, пстой. Если следовать твоему недавнему предположению насчёт рыжих предков по женской линии, выходит, что я и с твоим братом вроде как родня. Так, что ли?

– Выходит, что да.

– Ещё один родственничек на мою голову! Сколько их всего по стране, бывшему Союзу, мне никогда не посчитать. Ну что ж, как говорится, родину, соседей и родственников не выбирают – это судьба.

– Суди сама, продолжая твои рассуждения и воспоминания о предках по отцовской линии. Касательно рода донских казаков Селивановых, то им никогда не будет переводу. Кстати, а ты не подскажешь, куда подевалась машина моего брата-компаньона? Это же не спичечный коробок, в карман не спрячешь.

Я не торопилась с ответом, хотя, зная Янычара, допускала всё что угодно. Во-первых, необычная, я бы сказала – нетрадиционная реакция на машину, когда мы в ней, как в огромном катафалке-призраке, бесшумно вкатились вчера в его двор. Во-вторых, если даже он ту машину припрятал, что вполне вероятно, далеко он её укатить не успел. Разве что отогнал в укромное местечко где-то рядом. Точно! Сховал

где-то, стервец.

Теперь мне стало ясно, почему Яныч с сыном так безумно тарасились на нас. Мало того что машина, которую они спрятали накануне, бесшумно материализуется во дворе. Затем из салона выпадает утопленница – вроде живая, но с окровавленным лицом... А за рулём мужик, похожий на того самого, который ещё совсем недавно был пьяным ву-смерть. Ведь собственноручно поил! Не мог он никак так скоро прийти в сознание!

Мне даже весело стало.

– Насколько я знаю Яныча, он, выяснив, что к нему попал мужик залётный, который никого и ничего в этом городе не знает, напоил его какой-то дрянью. Можно сказать, чуть не отравил насмерть. Он, по-видимому, посчитал, что твой брат, то есть хозяин машины, упьётся до такой степени, что забудет, как его зовут и где он бросил свою машину.

Но Янычара я знаю давно. Он мужик ушлый и осторожный. Вполне мог предположить, что хозяин машины кое-что и не забудет. Поэтому от греха подальше, чтобы самого себя не смущать и лишний раз не соблазниться что-нибудь спереть из машины, он, скорее всего, отогнал её куда-нибудь в надёжное место. До нужного момента, чтобы никому глаза не мозолить.

Кстати, я обратила внимание, что его двор был чисто выметен. Точно! Накануне он постарался убрать и ликвидировать все, даже малозначительные признаки того, что маши-

на была в его дворе и гараже. Даже следы от протекторов и те замёл! После этого вместе с сыном отволол пострадавшего от алкогольного перепития в чужой двор, в котором (и об этом он знал наверняка) никого нет. Думаю, он рассчитывал на то, что когда мужик оклемается (если сможет), то вряд ли сумеет объяснить, как он туда попал и где вообще он находился накануне.

Ну а если и не придёт в себя... Что поделаешь, значит, судьба у него такая.

Вот и думай теперь, Дуся: двор твой и отвечать тебе. Мало ли сюда к одинокой бабе мужиков ходит.

Яныч, а вместе с ним и Колька, и его неряха жена на чём угодно поклялись бы и глазом не моргнули, а подтвердили, что видели, как я поила твоего брата. И напоила-таки до потери сознания. Вот сучий потрох! Именно так эта гнида и планировала. Всё свалить на меня, а машину присвоить втихаря! И как бы всё складно получилось!

Хотя стоп! Меня вроде бы накануне выловили как утопшую. Ну да, тем более всё гораздо упрощается. Меня нет – значит, и дела нет. Я окончательно запуталась. Всё равно не пойму: зачем меня-то подставлять?

От этих рассуждений мне стало немного не по себе. И такая злость взяла, что даже в висках заломило, а в ушах загудело.

Блин! Это кофе! Зачем я его пила сейчас. Опять меня мутит...

– Вадим, принеси мне воды, пожалуйста. Просто воды из бачка на кухне. Мне что-то нехорошо.

Тот торопливо поднялся и ушёл на кухню. Вернулся со стаканом в одной руке и каким-то пузырьком в другой.

– На, выпей, успокойся. Это капли.

– Я не пью лекарств!

– Они безвредные.

– Значит, бесполезные. Убери, не буду.

Воду я выпила залпом, стало немного легче. В голове прояснилось, шум в ушах прошёл. Вадим послушно поставил пузырёк на край стола. Я хотела было продолжить свои рассуждения и порывисто повернулась к нему всем корпусом, но нечаянно зацепила склянку локтем. Пузырёк грохнулся на камни и разбился. В носу защекотало от сладковатого запаха то ли валидола, то ли валерьянки, короче, чего-то больничного.

«Сейчас сюда коты сбегутся, не хватало ещё и этого». – И я громко чихнула.

Тут же послышалось первое «Мяу!».

Ну что я говорила!

– Вадик, будь другом, вылей сюда ведро воды, смой, чтобы так не воняло. Не люблю котов.

Мокрые каменные плиты двора наполнили недолгой прохладой беседку.

– Вот так-то лучше. Брысь!

Я довольно бесцеремонно оттолкнула наглого соседско-

го кота Филю, который уже мостился рядом с моею ногой, и продолжила:

– Но случилось так, что и в два ночи их увидел Сеня, вернее, услышал лай собаки. Яныч, наверное, и грохнул её, чтобы шума не поднимала, и бросил в бункер. Всё бы хорошо, но тут являемся мы на точно такой же машине. У кого хочешь челюсть отвиснет и он войдёт в состояние полного идиотизма.

– А в салоне бывшая утопленница сидит, – подхватил мою мысль Вадим. – Да, ты права, Дашенция! Тут кто угодно икать начнёт.

Мне стало весело. Я игриво прижалась к его плечу своей головой, как будто немного боднула его. Чертовка!

– А насчёт машины – не волнуйся. Сеня разберётся и возьмёт этот вопрос под личный контроль.

– Чувствуется, что ты работаешь в мэрии.

– Это ты о «вопросе под личный контроль»?

Он кивнул и стал собирать бумаги.

– Кстати, сегодня надо попасть в архив исторического музея.

– Сделаем. Во сколько?

– Пораньше. Надо покопаться в кое-каких документах, сделать несколько копий.

– Сейчас и отправимся. Только сначала надо купить конфеты, кофе и коньяк. Там работают три человека, которые могут реально помочь. Директор, смотритель и сторож.

– А сторож здесь при чём?

– Ничего ты не понимаешь. Вот как раз сторож и есть самое главное лицо – ему и коньяк. Если директор допустит к архивам, то смотритель разрешит работать только час. А вот сторож позволит копаться в документах столько времени, сколько нам надо. Всё будет зависеть от количества коньяка. Понял?

– Логично.

– Не логично, а проверено много раз на личном опыте.

– Дашуня, ты прелесть!

В порыве нежности Вадим приобнял меня за плечи и поцеловал в макушку. Мне было очень приятно и лестно, но мысленно я себя одёрнула, чтобы не поддаваться на его провокации и быть до конца бдительной. Искуситель!

Пока собирались в музей, я связалась с отдыхающими в лодочном гараже. Похоже, своим не очень-то и ранним звонком я всех там перебудила. Сеня, получив мои распоряжения по телефону, не задавая лишних вопросов, занялся поисками машины и параллельно досугом брата-акробата, чтобы тот был под постоянным и неусыпным контролем и не делал никаких лишних телодвижений. Денег для выполнения этого не очень сложного, но весьма ответственного поручения было выдано накануне более чем достаточно. В планах мероприятий – море, пиво, бабы (лучше, конечно, без них) и никакой самостоятельности. Вечером – доклад

лично мне.

Я знала, что Сеня не подведёт. Ведь мы с ним за эти почти сорок лет стали даже роднее, чем брат и сестра. Но это уже другая история.

В высоких и гулких залах исторического музея всегда царит полумрак. Окна плотно завешены, чтобы ничто не отвлекло экскурсантов от экспонатов. Всё внимание должно быть сосредоточено исключительно на предметах, выставленных в витринах экспозиций.

Городской музей располагался в старинном особняке, некогда принадлежавшем местному табачному магнату, греку по происхождению. Он жил в нашем городе до революции и много чего успел построить и возвести за то непродолжительное время от начала века до начала Первой мировой войны. Но грянула революция, и диктатура пролетариата всё отобрала – экспроприировала и чуть было не угробила. В этих зданиях были размещены конторы, склады, артели и даже общежития. Их много раз переделывали и перестраивали, приспособляли и перегораживали. Но, несмотря на все усилия воинствующего гегемона, они и сегодня являются самыми красивыми.

Обиженные предки магната спустя только лишь восемьдесят лет обратили внимание на город, который некогда дал жизнь их семейному клану, и в прошлом году приехали сюда, чтобы привинтить табличку в честь своего предка на од-

ном из бывших его особняков. На чём и успокоились.

Между тем местные власти почему-то воспрянули духом, почуяв, что у правнуков денег ничуть не меньше, чем у их славного предка, и, пользуясь удобным случаем, попытались как-то заинтересовать заокеанских сограждан проблемами их некогда родного города. Но власти услышаны не были и вскоре махнули на них рукой, обрадовавшись, что те не требуют назад никакой собственности в виде земель и недвижимости, которые остались в городе от славного табачного магната.

В музее всё произошло именно так, как я и предполагала. При встрече с директором я рекомендовала Вадима как столичного писателя-драматурга (не уточняя, из какой именно столицы он прибыл), который пишет сценарий нового многосерийного исторического фильма.

По замыслу автора, в его основу будут положены реальные события начала века. «Драматург» очень ловко мне подыграл тем, что тут же предъявил письмо за подписью замминистра (никто не стал уточнять, какого именно министра).

Это был отличный, главное, безошибочный ход! Умница, Вадим! А ведь меня он об этом письме даже не предупредил, просто накануне просил его именно так и отрекомендовать.

Кофе директору, по-видимому, понравилось, и он сразу убрал его в сейф. Нам же он предложил чай, от которого мы вежливо отказались.

Внимательно прочитав резолюцию директора на письме замминистра, смотрительница нахмурилась и начала почему-то пристально рассматривать угловой штамп ведомства, которое его направило.

Ситуация выходила из-под контроля. Но Вадим, судя по всему, был ещё тот пройдоха. Лучезарно улыбаясь, он аккуратно положил на стол красивый пакет, в котором угадывалась внушительная коробка конфет.

Смотрительница подарок приняла благосклонно, но предупредила, что нам работать можно только час.

– Что вы, что вы, мы же всё понимаем! – заверили мы в один голос, и она в тот же миг поняла, что эти двое работать намерены как минимум два часа. Вадим тоже это понял и волшебным образом достал из спортивной сумки блок отдельных сигарет.

– Презент!

– Вы знаете, что я курю?

Она вскинула на него бесцветные глаза уставшей от жизни, одинокой женщины. Её полное лицо в обрамлении каких-то немислимых прядей и разноцветных локонов слегка порозовело. Видимо, от смущения.

– Я догадываюсь, что вы можете предпочитать именно этот вид сигарет. Аромат отличного табака и всё такое...

Она постно улыбнулась и приняла подарок.

– Я буду работать в соседнем зале. Если возникнут вопросы, обращайтесь ко мне или к нашему сторожу. Он же и опе-

ратор ксерокса, на случай, если потребуется что-то размножить. Кстати, сторож и присмотрит за вами, чтобы дольше обычного не задерживались. Всего доброго.

С тихим скрипом уставших дверных петель за нею закрылась монументальная дверь кабинета с игривыми ангелочками по углам (видимо, некогда здесь располагался дамский будуар).

Я тут же спросила:

– Откуда ты узнал про сигареты?

– Наудачу купил. Если она не курит, значит, мужу. Если мужа нет и она не курит, но у неё будет блок отличных сигарет, рано или поздно появится стимул, чтобы кому-то его передарить или угостить кого. А это значит, что, возможно, и мужик появится. Ну, а если бы она отказалась наотрез, то я курю. Не бойсь – они бы не пропали. Я ничего не теряю. И вообще, всегда, когда беру презент или подарок совсем незнакомому человеку, рассчитываю, чтобы он, в крайнем случае, пригодился самому. Как сегодня с сигаретами. Понятно?

– Умно, ничего не скажешь, – согласилась я.

Бутылку коньяка он преподнёс сторожу – охраннику со смешной фамилией Пукин. Ему было около шестидесяти лет. Скорее всего, больше. Во всяком случае, внешне он выглядел готовым к пенсии, пожилым дядькой.

Возможно, из-за своей не совсем благозвучной фамилии сторож всегда был в плохом расположении духа. И чтобы его

хоть как-то немного улучшить, любил за беседой с умным человеком пропустить рюмочку-другую. Роль козла отпущения, который будет сидеть и слушать его байки, и поддерживать беседу с нудным гражданином Пукиным, отводилась, разумеется, мне. Во-первых, потому что я толком не знала, что надо искать в музейных архивах. Во-вторых, потому что, как выяснилось, у нас с Пукиным оказалось много общих знакомых. В-третьих, Вадим заранее готовился к тому, что придётся копаться в местном музейном архиве, поэтому очень много материала успел просмотреть в столичных запасах и архивах. И к этому моменту уже кое-что нашёл. Ещё в Киеве он заранее продумал и наметил определённый список документов, которые надо бы отыскать здесь, на месте.

Пукин оказался прекрасным собеседником: он знал много невероятных случаев, которые не попали в исторические хроники, но от этого не перестали быть интересными и даже поучительными. Я бы назвала их историческими анекдотами.

Так, не спеша мы беседовали с ним в тишине музейной библиотеки, спрятавшись за дальними стеллажами. От любопытных глаз наш маленький междусобойчик мы прикрыли пыльными томами старых изданий, выставив их высокие стопки прямо на пол и на табуретки.

За три с лишним часа, которые мы провели в музее, Вадим сумел раздобыть и снять копии всех нужных ему старых

карт и схем, планов и генпланов.

Из музея каждый из нас вышел со своим новым и ценным багажом. У меня в голове куча интересных случаев и историй, у моего напарника – толстая папка документов.

Поднимаясь не спеша по старой лестнице к центру города, мы обсуждали планы и дальнейшие действия.

– Теперь нам будет нужен катер. Оказывается, после войны линия набережной действительно очень изменилась. Это усложняет дело.

– Насчёт катера – к Сене. Здесь проблем нет.

– Значит, на ужин зовём его к нам.

– Этого и не надо. Он сам придёт. Вот увидишь.

– Не спорю. Нам его помощь нужна.

Он так и сказал: «нам». Ну-ну...

Интересно получается – ещё и суток не минуло, как мы знакомы, а он уже распоряжается здесь, как будто хозяин. И в то же время, что ни говорите, а любой нормальной женщине приятно, когда за неё хоть иногда кто-нибудь принимает хоть какие-то решения.

«Нам» так «нам». Поживём – во всём разберёмся.

Мы шли по залитой зноем набережной в сторону старого причала. Невдалеке у края высокой стенки, густо поросшей у самой кромки воды то ли мхом, то ли водорослями, возвышалось здание некогда очень оживлённого морского

вокзала. В последние годы он практически не использовался по прямому назначению. Долго стоял никому не нужный и, чтобы его окончательно не разграбили, был продан частнику, который мигом переделал его под ресторанчик.

Место здесь было тихое, укромное и в то же время – самый центр у берега моря. Но народ шёл сюда почему-то неохотно. Видимо, горожане так и не смогли привыкнуть, что нет больше в городе морского вокзала. А ресторанчиков и без этого хватает. Хозяин старался, как мог, привлечь посетителей: выдумывал новые блюда, предлагал скидки, завлекал экзотической кухней. Но почти безрезультатно. Народ почему-то не любил этот кабачок.

В этом был и определённый плюс – здесь очень дорожили каждым клиентом. И если ты попал сюда, обслуживали отлично, кормили сытно и при расчёте не очень дурили, а так, по мелочам. Я как-то недавно была здесь, по-моему, осенью. Мне тогда не очень понравилось. Мы сидели на веранде, получается, почти на улице, вот я и замёрзла. Но летом здесь замечательно, ничего не скажешь!

– Дашенция, отдохнём? Обсудим дела наши скорбные. – Кивнул в сторону ресторана Вадим.

– Неужели всё так плохо?

– Отнюдь! – Он весело приобнял меня, и я почувствовала знакомый запах отличного мужского одеколona. Где-то я его уже слышала? Но где? Ладно, потом...

Аппетитные ароматы чебуреков, шашлыка и ещё чего-то

необыкновенно вкусно перебили и мигом развеяли все мои тревожные мысли. Я поняла, что очень хочу есть.

Просторная открытая веранда второго этажа бывшего морвокзала, а ныне ресторана, была установлена и оборудована на мощных опорах, забитых прямо в морское дно. У посетителей, которые сидели там, складывалось впечатление, что они находятся посреди моря. Куда ни глянь (кроме задней стены) – вокруг водная гладь. Просторная тентовая крыша отлично защищала от палящего солнца, а морской ветер игриво шевелил края скатерти и норовил опрокинуть пластиковый стаканчик с салфетками. Летом здесь все окна были, как правило, распахнуты настежь. Их прикрывали только во время дождя или сильного ветра.

Место было уютное, уединённое, но главное – я знала, что здесь хорошо готовят. Во всяком случае, не так, как стряпает Янычарова жена.

Каждый заказал себе своё. От кофе я отказалась – побоялась опять потерять сознание и теперь уже рухнуть прямо в море. А между тем здесь варят такой кофе!!!

Отламывая янтарный, покрытый хрустящей корочкой кусок цыплёнка табака, Вадим рассуждал вслух, как бы советуюсь со мною.

– Вот смотри. Мы сидим практически над тем самым местом, куда когда-то упали ящики.

Я непроизвольно глянула вниз на сиявшие солнечными бликами волны. Но ящиков на дне не увидела. Горько вздох-

нула и усталилась в свою почти пустую тарелку. Салат уже съела, а чувство голода осталось.

– Давай поразмыслим. Я допускаю несколько вариантов дальнейшего развития событий.

Он со вкусом и огромным удовольствием откусил крылышко. На тарелку сочно упала большая клякса куриного жира.

В моей тарелке не было такого аппетитного цыплёнка. Там одиноко лежал кусочек чего-то серо-зелёного, того, что я и просила, – малокалорийного и полезного. Но, как оказалось, малосъедобного.

При обсуждении того, что будем брать пожрать, я опрометчиво доверилась вкусу официанта и сделала дурацкий заказ – поменьше калорий, побольше пользы.

Спасибо, что принёс не овсянку или брюкву какую-то. Интересно, а что это такое он мне принёс? То ли грибы, то ли?.. Это, наверно, мозги. Похоже, мои, раз их так мало.

– Эй! Да ты меня совсем не слушаешь!

Я очнулась от своих унылых рассуждений.

– Прости.

– Значит, так. Или мы работаем головой, или грустим, что заказали какую-то дрянь вместо нормального куска мяса. Официант!

За обедом не спеша мы с Вадимом обсудили и наметили план действий, а в завершение трапезы даже приняли по бо-

калу белого вина. Когда вышли из ресторанчика, неожиданно нам обоим пришла в голову мысль выкупаться в море. Здесь же, у причала. Благо никто этого пока не запрещал. Во всяком случае, никаких угрожающих знаков установлено не было.

Если не запрещено, значит – можно.

Признаюсь честно, ныряя в прохладную глубину, я старалась хоть что-то разглядеть на морском дне, но напрасно. Наши водные процедуры, конечно же, ничего не дали, разве что немного освежили в такую жару. Но мне всё время казалось, что люди вокруг наверняка знают или догадываются, почему мы купаемся именно здесь, отчего это мы всё время ныряем, а вынырнув, что-то оживлённо обсуждаем.

Но мне это только казалось. Никому не было до нас никакого дела.

На берегу моря все, как правило, заняты исключительно собственной персоной и на других им, по большому счёту, плевать, лишь бы не загорали солнце и не трусили на голову песок.

Вот и мы были поглощены своими разговорами и увлечены обсуждением предстоящих планов. На нас никто и внимания-то не обратил. Купается парочка стареющих придурков, которые никак не могут наныряться, – и пусть себе резвятся! Лишь бы не очень шумели и брызгались.

Правда, были на берегу дамочки, которые каким-то оценивающим взглядом внимательно смотрели на Вадима, но,

увидев рядом с ним спутницу, с разочарованием отворачивались. Видать, не понравилась я им.

Хочу сказать, что Вадим действительно имел прекрасную физическую форму. Несмотря на возраст, ничего лишнего, в меру жирка, в меру мышц, даже мускулы кое-где поигрывают. Приятно посмотреть!

Что касается меня, то я в своей форме нисколько не сомневалась.

Если бы не уставшее-озабоченное выражение лица, так характерное для многих тёток около сорока. Оно, и только оно выдаёт истинный возраст женщины. Эти поджатые губки «аля куриная жопка» и потухший взгляд всё чаще появляются и на моей физиономии.

Но если не очень внимательно всматриваться в лицо и не заглядывать в глаза, то я очень даже могла дать фору некоторым молодым девицам, которые не так ревностно следят за своей фигурой.

Наследственность – это понятно. Если ты уродилась толстенькой пышкой, то довольно сложно стать фотомodelью.

Но мне повезло, и Бог дал мне неплохую фигуру. Поэтому, несмотря на малый рост, я всегда старалась не обабиться, а выгладеть, хотя бы издали, пусть даже сослепу, но моложе. Думаю, поэтому неслучайно Вадим сразу принял меня за пацана. Моя комплекция сбила его с толку. Это уже потом, минуточку спустя, он, приглядевшись, понял, что ошибся.

Опять же, не сомневаюсь, что меня выдало именно выра-

жение лица, то самое, озабоченно-бабское.

Купание утомило, поэтому домой на горку добрались на такси.

Во дворе нас ждала весёлая компания. Сеня и брат Вадима расположились в беседке. На столе плотно стояли бутылки пива. Вяленые бычки лежали внушительной горкой на куске газеты, рядом ещё что-то такое, что принято употреблять с пивом, кажется, варёные креветки.

Мужики были заняты делом – они пили пиво.

Вокруг беседки, жадно провожая каждое движение их рук, в напряжённом ожидании сидели пять котов. Видимо, их вначале привлекла валерьянка, разлитая накануне, а теперь удерживал запах копчёной рыбы.

Шла оживлённая беседа на темы морали и правил общежития, типа: «Кто в доме хозяин? Я или тараканы?». Сеня уже пару раз грохнул по хлипкому столу кулаком. Брат понимающе кивал и не спеша отрывал небольшие кусочки от бычка, и, смакуя, с наслаждением запивал их пивом.

Видно было, что мужик получает настоящий кайф от самого процесса. Он не просто пил пиво и закусывал бычками. Нет. По всему его поведению и выражению лица было видно, что для него это целая церемония, почище чайной в Китае.

Бычки были уложены ровным рядком. Шелуха лежала отдельно – в сторонке на газетке. Пиво свежее, пахучее, холодное, даже бутылка запотела.

Да, умеет человек жить со вкусом и удовольствием, ничего не скажешь!

Сеня между тем наседавал на него:

– Нет, ты мне скажи, почему некоторым всё, а мне, например, ничего!

– То есть как это – ничего. У тебя вон катер есть. Сколько жён было. А у меня так ни одной. Нет, Сеня, ты не прав. Это у тебя всё. А у меня одна хрень.

– Нет, Стас, это ты не прав. Это у меня нет жён и никогда не было ни одной. Разве это жёны? Вот говорят – супружеский долг, супружеский долг. Да они все вместе и каждая по очереди задолбали меня этим долгом. Веришь, я с радостью готов поделиться им с друзьями или соседями. Не жалко. Бери! Не берут. Никому не нужны мои бабы! Вон сколько их было, а толку не было ни с одной. Если я ещё до своей первой жены ходил на работу грязным, голодным и озабоченным в смысле, ну в том самом смысле, потому что не был женат. Теперь я хожу такой же оттого, что женат. И не один раз. И каждый раз всё повторяется снова. Завести, что ли, себе собаку? Согласись, что собака гораздо лучше жены: денег не просит и лает исключительно на чужих. Вот завидую я тебе. Нет ни жены, ни забот. Красота! Была, правда, собака, да и та сдохла. Бедняжка! А ты не волнуйся, я её нормально похоронил, по-человечески. То есть по-собачьи. Нет, всё же по-человечески. Положил в чистый пакет с цветочками и закопал. А медальончик оставил. Вот он – возьми, друг! – Он

полез в карман штанов, достал оттуда грязный носовой платок и протянул собеседнику.

– Не надо, у меня свой платок есть. Чистый.

– Не, ты не понял. Там собачкино. Возьми себе.

– Что там?

– Медалька её.

Он осторожно развернул платок и достал из его недр золотой медальончик.

Положил на стол и, глядя на него, призадумался, и загрустил, по-бабски подперев лицо кулаком.

Стас, внимательно разглядывая то, что лежало на столе, рассуждал о своём, по-видимому, продолжая разговор о наблевшем:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.